

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Прощение
славянки

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Прощение славянки

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Прощение славянки / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Жена старшего помощника Генпрокурора России Александра Турецкого «застукала» своего супруга в кафе с симпатичной женщиной-чеченкой. Его объяснения о том, что речь у них шла о ее пропавшем бесследно муже, русском офицере, которого та умоляла найти, на Ирину не подействовали. И тогда Турецкий понял, что вернуть себе доверие жены он может единственным способом: отыскать исчезнувшего офицера...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Возмутительница покоя	5
Командировка, или Ближний бой на закрытой местности	16
Пятое убийство	22
Турецкий приступает к следствию	27
Знакомство с майором Огородниковым	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фридрих Незнанский

Прощение славянки

Возмутительница покоя

Запах утреннего кофе проник через полуоткрытую дверь спальни, и Турецкий, учуяв сквозь сон его тонкий аромат, бодро вскочил с постели. С тех пор как ее приятельница Вероника привезла из Италии кофеварку, Ирина полюбила экспериментировать с разными сортами кофе. На вид это была невзрачная металлическая штуковина, состоящая из нескольких частей, но кофе получался отменный. Кофеварка была небольшая, и иногда между супругами возникал спор, кто первым будет пить свежеприготовленный напиток – порция получалась на одного человека. Вероника однажды попыталась их примирить:

– Ребята, они там, на Западе, считают, что эта порция на двоих. Что вы никак не поделитесь?

– Это они там считают, а по нашим русским меркам и на одного маловато будет! – парировал Турецкий и выхватил кофеварку буквально из-под рук зазевавшейся жены.

Ирина тогда обиделась и наябедничала подружке, что Сашка всегда был эгоистом и что горбатого могила исправит. Но Турецкий уже молча наслаждался отвоеванным в неравной борьбе кофе и ехидно усмехался.

– Кто в доме главный добытчик, того и валенки! – наконец удосужился он обратить свое царское внимание на жену, которая с обиженным выражением лица держала кофеварку под мощной струей холодной воды. В горячем состоянии ее невозможно было раскрутить, чтобы насыпать очередную порцию, – руки обжигала.

Но сегодня ситуация выглядела вполне миролюбиво. Турецкий вышел на кухню уже умытый, приглаживая влажной рукой волосы, поцеловал Ирку и добродушно поинтересовался:

– Обскакала меня? Кофе пьешь? Ладно, сам сейчас остужу железяку, – и плотоядно заглянул в чашку жены.

– Кто рано встает, тому Бог подает, – задиристо ответила та, надкусывая нехилый бутерброд, на котором громоздились колбаса, сыр, соленый огурец, а сверху это затейливое сооружение украшали нарезанный кольцами редис, майонез и кетчуп.

– Надо же, – подивился Турецкий. – Такой ротик маленький, а сколько в него впихнуть можно!

Ирка захихикала, но бутерброд из руки не выпускала. Чашку тоже крепко держала. Турецкий уныло поставил кофеварку на огонь и принялся сооружать себе бутерброд. Ирку по утрам лучше не трогать – злая бывает. Вот дочь Нина – совсем другое дело. Просыпается с улыбкой, так же как и папа Саша. Оба они с утра настраиваются исключительно на позитив. Ждут нечаянных радостей – как сказала о них как-то Ирка с некоторой завистью. Ей самой почему-то с утра все не нравилось, в частности – ее безрадостная жизнь с командировочным мужем, который мог в любой момент сорваться в дальнюю поездку, ссылаясь на профессиональный долг. Ирина всегда считала, что в своих командировках он занимается не только выполнением профессионального долга. Иначе не собирался бы так стремительно, не скрывая радостного блеска в глазах. Лицо у него в такие минуты выглядело по-особому одухотворенным, сразу становилось ясно – предвкушает очередную нечаянную радость, что на простом, доступном каждой ревнивой жене языке означало любовное приключение. Эти энергичные сборы и стойка охотника в облике мужа-гулены вызывали у Ирки приступы ревности, и не всегда Турецкому удавалось заглушить их в зародыше. Иногда приходилось вспоминать приемы ловкости и отличной реакции спортсмена, когда в него летели некоторые предметы быта – от

здоровенной папки с нотами до тривиальной домашней тапочки на стоптанной подошве. Но Саша уже наловчился играючи хватать на лету все, что попадалось под руку разгневанной жене.

Когда он удобно устроился на стуле, прихлебывая из чашки кофе, мирное семейство обсудило планы на нынешний день. Ирке удалось выцыганить у экономного мужа дополнительные деньги на хозяйство, мотивируя свою расточительность тем, что колбасу она стала покупать подороже – вкуснее. Саша спорить не стал, хотя ему лично не очень нравилась и новая колбаса, он предпочел бы на завтрак манную кашу. Ирка варила ее крайне редко, в минуты особой нежности к мужу, – боялась поправиться. Нинуля ненавидела ее с младенчества, когда бабушка впихивала в нее кашу большими порциями, добиваясь нужного веса согласно графику в книге «Здоровый ребенок». Поэтому варить манку одному Шурику эгоистичная жена считала баловством. Пусть ест что дают. Ему и так весело живется.

Августовское утро было солнечным и не жарким, градусов двадцать. Любимая температура Турецкого. Он взбежал по ступенькам Генпрокуратуры, и возле поста дежурного его рассеянный взгляд скользнул по женской невысокой фигурке с явно знакомым лицом. Едва завидев его, женщина в отчаянии бросилась к Турецкому с возгласом:

– Наконец-то, я боялась, что вас не застану!

Турецкий немного удивился бурной встрече, пригляделся – несомненно, он видел эту женщину, и не раз. Ее измученные, с влажным блеском глаза с мольбой взирали на него.

– Вы меня не узнаете, Александр Борисович? Я Соня Салтанова, из Назрани. Помните, вы останавливались у нас в гостинице «Заря» в прошлом году?

Турецкий тут же вспомнил события минувшего года. Действительно, в прошлом году он в составе комплексной бригады Генпрокуратуры проверял состояние законности в Чечне, Ингушетии и Дагестане. Сам генпрокурор Владимир Михайлович Кудрявцев возглавлял прокурорскую бригаду. В Назрани Александр останавливался в небольшой гостинице, которую ему рекомендовал как самую безопасную и надежную бывший «важняк» и его сослуживец, а ныне прокурор Ингушетии Борис Парамонов. Главным администратором гостиницы как раз и была ингушка Соня Салтанова. Но как же она изменилась за этот год! Соне было едва за тридцать, а сейчас она выглядела на все пятьдесят. Что же она пережила за это время, что оставило свой неизгладимый отпечаток на лице красавицы с синими выразительными глазами? А ведь Саша запал на нее тогда и, если бы не знал, что она без ума от русского капитана по имени Валентин, непременно приударил бы за ней. Но одна из сотрудниц гостиницы, заметив в глазах важного постояльца интерес к хозяйке, не без умысла проинформировала его о романе Сони и капитана Валентина Куликова. Так что Саше обломилось только однажды поужинать с красавицей Соней да послушать ее восхищенные рассказы о геройском капитане, влюбленность в которого она даже не пыталась скрывать. От Сони же он узнал, что Куликов часто бывает в Назрани, останавливается в этой же гостинице, но как раз в то время находился в дальней командировке. Соня ждала его со дня на день, светилась от любви, и Турецкий даже немного приревновал ее к неизвестному капитану. Пришлось благородно отказаться от мыслей поухаживать за понравившейся женщиной, что ему было несвойственно и чем он втайне гордился.

Они сидели в его кабинете, и Турецкий с жалостью смотрел на увядшее лицо женщины. По ее щекам непрерывным ручейком струились слезы, и она не могла их остановить, а напротив – плакала навзрыд, пытаясь сквозь судорожные всхлипы рассказать о своей беде. Картина событий годичной давности была знакома Турецкому. Он помнил тот жестокий бой, когда после очередного штурма удалось освободить ребят, захваченных террористами, и, переворачивая тела убитых и раненых – своих и чужаков-террористов, пересчитывая их, оказывая первую помощь легко раненым, укладывая на носилки тяжелых, все задавались вопросом: как такое могло произойти? кто виноват? почему террористам при нападении на МВД Ингушетии удалось нанести такие потери нашей армии – 79 погибших, 114 раненых?! Еще не остыла ненависть к террористам, еще не успели опомниться от беспредельного горя после потери близких

товарищей, а тут еще выяснилось, что бесследно исчез капитан Валентин Куликов. Именно он со своей ротой предотвратил осуществление очередного злодеяния – захвата школы в соседнем поселке. Вовремя была получена информация о том, что террористы подготовили запасной вариант в случае неудачи с нападением на МВД Ингушетии. И капитан Куликов блокировал школу, бойцы окопались возле этого объекта и мужественно держали оборону. Выстояли. Но после боя с боевиками в общей суматохе Валентина не нашли ни среди живых, ни среди мертвых. Если погиб, то где тело? Кто его видел в последние минуты штурма? Ответов не было. Поползли слухи. Каких только предположений не возникало – от «геройски сторел» до «увели прочь арабские наемники», от «пал смертью храбрых» до «сбежал к «своим», мы его давно подозревали»... У кого-то поворачивался язык и такое предположить.

Соня рассказывала известные Турецкому факты и умоляла об одном – спасти честь возлюбленного и отца их сына Марата, родившегося спустя полгода после исчезновения Куликова. Слухи о том, что Куликов сбежал с террористами и теперь верно служит им, набирали силу. Ведь бывали случаи, когда действительно русские переходили на сторону бандитов.

– А однажды, – Соня понизила голос почти до шепота, – ночью к нам постучал человек и передал привет от Алихана. Дескать, так зовут теперь Валентина. «Ждите, – сказал он, – Алихан-Валентин вернется, когда мы победим». Этот человек попросился переночевать в моем доме, и я пустила его. Ради Валентина, конечно.

По ее рассказам, она впускала на ночлег еще несколько раз и этого террориста, и других, надеясь, что это зачтется при решении бандитами судьбы ее возлюбленного, попавшего к ним в плен. А в том, что он у них в плену, она не сомневалась. Ну не мог такой человек добровольно перейти на сторону бандитов!

– Не верю я в это, не может такого быть! – рыдала Соня уже во весь голос.

Турецкий, как мог, успокоил ее. Взглянув на часы – время уже поджимало, не мог он сидеть с ней больше ни минуты, – назначил ей встречу на вечер, на восемь часов в кафе «Шоколадница» в Столешниковом переулке.

День прошел в обычных хлопотах. Следствие по делу убитого замдиректора горнообогатительного комбината из Уральска наконец сдвинулось с мертвой точки. Нашелся свидетель, который видел человека, выходявшего из гостиничного номера в день убийства. Уже составили фоторобот, и дежурная по этажу подтвердила личность неизвестного. Он бывал в гостинице и до убийства, приходил к замдиректора в сопровождении двух подозрительного вида типов. Она даже высказала свое мнение, что все трое явно из уголовного мира, поскольку их оживленный разговор изобиловал блатными словечками. Два часа Турецкий просидел на совещании у начальства, но мысли несколько раз возвращались к разговору с Соней. На душе было тяжело, некий осадок безысходности отравлял настроение.

Ирина с тоской слушала пиликатье Леночки Сомовой, которая старательно исполняла «Этюд» Черни, и констатировала про себя, что это скорбное существо, вопреки ожиданиям мамушки, на конкурс юных дарований не попадет. Девочка совершенно не чувствует музыку, да и техника исполнения на слабенькую троечку. Как бы убедить хамоватую, энергичную мамашу, что у девочки нет музыкального дарования? Ну не дал ей Бог! Зато у нее приятный голосок, перевела бы ее мать на хоровое отделение, там ей самое место. И тут же поморщилась от самого своего намерения поговорить с Галиной Петровной. Мать сидела за дверью в коридоре, слушала игру дочери и подсчитывала в уме будущие гонорары, которыми ее завалит Леночка, став лауреатом всевозможных конкурсов, участвуя в мировых турне. Леночка стучала деревянными пальчиками по клавишам, тоненькие косички подрагивали в такт музыке, и всеми движениями своего восьмилетнего тельца девочка выражала ненависть к этюду Черни. Тут Ирина была с ней полностью солидарна. Она его уже слушать не могла. Сколько можно – изо дня в день одно и то же. «Сейчас завою», – подумала строгая учительница Ирина Генриховна, но, взглянув на

настенные часы, испытала ни с чем не сравнимое наслаждение: через минуту урок закончится, и она станет вольной пташкой.

Леночка закрыла крышку рояля точно через минуту. Теперь и она на свободе до завтрашнего дня. Мамаша немного потреплется с училкой о великом будущем Леночки, не подозревая, что ее доченька лелеет совсем другие планы. В зоопарке существует кружок юных любителей животных, и туда принимают школьников с пятого класса. Анька и Колянчик, ее дворовая компания, уже ходят в кружок, кормят из соски трех тигрят и чистят шерстку карликовых пони. Вырастут – ветеринарами будут. Леночке тоже осталось уже недолго ждать своего часа. А этот Черни, чтоб он сдох, не веки же вечные будет отравлять ее жизнь. Надо усыпить бдительность мамочки. Пусть видит, что дочка старается. А потом узнает, что ничего толком у нее не получается, тогда легче будет уговорить отпустить в кружок. Ветеринары тоже будь здоров получают. У них во дворе ветеринар тетя Оля на «Ауди» катается, каждому сыну по компьютеру купила, на неделю по сорок долларов на карманные расходы дает. А ее мамочка ни копейки. Говорит: «Сыта, обута, инструмент купили – играй да радуйся. Я в твоём возрасте на одних кашах жила, донашивала обноски старшей сестры и мечтала о губной гармошке. Да и ту мне родители не купили, хотя сосед цыган Яшка предлагал. Его отец после войны спер ее у пленного немца, когда эти фашисты школу ремонтировали».

Леночка верила в эту историю с трудом. Во-первых, война сто лет как закончилась. Во-вторых, на фиг немцы будут ремонтировать в чужой стране школу, если они привыкли воевать? И в третьих, почему нельзя было купить гармошку у цыгана? Гармошка стоит сущие копейки, а ворованная, наверное, тем более. Но мамаша вечно ее воспитывала на примерах своего тяжелого детства. По ее рассказам, она терпела одни лишения. Никакой радости. В это Леночка тоже не верила. Мамаша у нее выглядела важной дамой, жили они обеспеченно. На лице никаких следов нищеты и обездоленности. А наоборот – на пухлых щеках здоровый румянец, ручки с перевязочками, ножки крепенькие, фигурные, формой напоминают ножки рояля. А главной достопримечательностью ее пышного тела было круглое пузико, в которое плавно переходила выдающаяся грудь. Мужики на улице на нее засматривались. А от рыночных вообще отбоя не было.

– Ну как моя Леночка? – Галина Петровна, криво улыбаясь, заглянула в класс. Она недолюбливала Ирину Генриховну, подозревая, что та недооценивает талант Леночки.

– Ну вы же сами все слышали, – уклончиво ответила Ирина. – Девочка занимается, прогресс налицо. – Она решила не портить себе настроение детальной разборкой игры ученицы. Проблема, которая отложена на неопределенное время, как бы упускается из виду, значит, ее и не существует. Хотя бы ненадолго. Ирина любила обнадеживать себя таким образом, когда решение трудной задачи требовало больших душевных сил. Раз уж этой тетке так важно видеть в своем заморыше недюжинный талант, пускай тешит самолюбие. А в свободное время торгует капустой на рынке. И ей радость, и людям польза.

Едва дверь за последней на этот день ученицей закрылась, Ирина чуть не запрыгала от радости. Ура! Сейчас быстренько подкрасить губы, навести марафет – и в Столешников. У нее сегодня предстоит приятный вечер в компании с новой подружкой Еленой Гординой. До чего умная баба! Слушать ее – одно наслаждение. Одним словом, доктор наук. Да еще и психолог. Спасибо Сашке, познакомил их как-то, и теперь обе нашли друг в друге приятных собеседниц. Правда, Елена Станиславовна все-таки вела себя не совсем чтобы на равных, чуть-чуть выпендренность в ней присутствовала. Но Ира не обижалась. Все нормально – Елена выбрала ее в свои ученицы и с большим удовольствием наставляла Иру в познании тонкой науки психологии. С наименьшей радостью Ирина впитывала новую информацию о малознакомой науке, пока однажды не решила про себя, что новое занятие постепенно так сильно увлекло ее, что затмило любовь к основной профессии. Только теперь она могла признаться себе, что слушать изо дня в день гаммы и этюды не доставляет ей ни малейшей радости. Как-то не об этом она мечтала

в дни счастливой юности. В сладких грезах ей представлялся огромный концертный зал, она раскланивается после блестящего исполнения, например, вальса Шопена. Овации, бурные возгласы «браво» и «бис», со всех сторон благодарные поклонники несут букеты... А в суровой действительности имеется рутинная долбежка опостылевших этюдов негнушимися пальцами ее учеников да желание всех без исключения родителей видеть своих детей юными гениями. Это с их-то посредственными способностями! И будь она преподавателем по скрипке, изломала бы смычки об головы некоторых учеников. А так им просто повезло, что рояль неподъемный. Эту свою проблему она с Еленой уже обсудила, и та дала добро на постепенное сворачивание основной профессиональной деятельности Ирины. Сама сдвинутая на психологии, Елена нашла в лице Ирины благодарного слушателя и ученицу, к тому же не без таланта.

– Мы с тобой поработаем в этом направлении! – заявила она Ире, когда они обе в очередной раз сидели в «Шоколаднице» и попивали капучино. – Это будет наш личный эксперимент – переподготовка для новой профессиональной деятельности под руководством доктора медицинских наук, – не преминула лишний раз напомнить о своей научной степени тщеславная старшая подруга.

Она завалила Ирину литературой, и та вскоре сузила свой «профессиональный» интерес до двух направлений – судебной медицины и психиатрии. Пока решили до поры до времени от Саши скрывать грядущие перемены в Ириной жизни. Пусть будет ему нечаянная радость, когда Ира вполне профессионально однажды блеснет перед ним каким-нибудь термином или даже поможет раскрыть дело. А тем временем Ирина иногда в домашней обстановке упражнялась в небрежном упоминании терминов, которые приводили в легкое замешательство Сашу и в неистовый восторг Ниночку. Оба думали, что новое увлечение судебной медицинской терминологией – результат довольно частых встреч с доктором Гординой. На самом деле кажущаяся легкость владения специфической терминологией была следствием кропотливой работы со специальной литературой.

– Наверняка у этого типа эксперты обнаружат буллезную эмфизему легких, – как-то указала она пальцем на раздавленного тяжелым джипом бедолагу в каком-то очередном бандитском сериале.

– Ой, – восхитилась Нинка, – какие ты интересные слова знаешь, мамочка!

– Подумаешь, мы это тоже учили в свое время, – ревниво заметил Саша, а польщенная вниманием дочери Ирина радостно расплылась в улыбке:

– Я еще и не такое знаю! Вчера в этом сериале одного сгоревшего бандюка показывали. Следователи еще решали – при жизни он сгорел или его сначала уколошили, а потом уже дом спалили, чтобы следы замести. По сюжету только следствие шло, а я сразу догадалась – раз труп находится «в позе боксера», значит, это свидетельствует о прижизненном действии пламени.

– Ну дает женщина! А еще какие признаки прижизненного действия пламени ты знаешь? – решил проверить ее неожиданные познания домашний старший следователь.

– А ты? – ехидно переспросила Ира, надеясь, что Турецкий давно учился и что-то мог и забыть. Тут-то она и блеснет.

– Я первый спросил, – не унимался Турецкий, как раз опасаясь того же – вдруг он забыл какой-то из признаков, на потеху своим женщинам.

– Легко – копать в трахее и бронхах, высокая концентрация СО в крови и полоска неповрежденной кожи в углах глаз.

– Умница. Ставлю пятерку, – с уважением отметил талант жены Турецкий, удивляясь про себя: чем только не забита голова у его красавицы жены. К тому же добровольно запоминать подобную мерзость для трусихи Ирки – настоящий подвиг. Он еще не догадывался, что не зря жена время от времени поражает его нововыученными словечками, у нее далеко идущие планы, которые к его работе имеют самое прямое отношение. Ирка все больше утверждалась

в мысли сменить профессию и шла по новому пути семимильными шагами, наверстывая зря прожитые годы.

Сегодня две подружки с разных концов города поспешали в облюбованную ими «Шоколадницу», потому что и сластенами они были изрядными. Выбор пирожных в кафе был невообразимо широк, и обе дамочки дали себе слово со временем перепробовать все. Гордина привезла порцию психологических тестов, и, увлеченно жуя пирожные и отхлебывая капучино мелкими глотками, они примеряли тесты к общим знакомым. Но почему-то главным пациентом неизменно оказывался Турецкий, и дам это ничуть не смущало. К концу третьей серии тестов обе были твердо уверены в целом ряде психических патологий, которыми страдает их любимый «пациент». Дамы, впрочем, не сильно горевали, решив окружить его любовью и демонстрировать полное понимание не всегда адекватных его поступков. К одному из них относилось его радостное оживление перед поездкой в командировку.

– Вот скажи мне, Лена, чего он так радуется? Прямо как слабоумный, которому показали конфетку. Ведь каждая командировка сопряжена с огромным риском. Его абы зачем не посылают, всегда расследовать сложное дело, там труп на трупе лежит и трупом погоняет. А ему все хихоньки да хахоньки. А в Назрани? Я вообще не чаяла его живым увидеть. И под обстрелы попадал, и саперы перед ним шли сами на волосок от смерти...

– Низкий порог ощущения опасности... – глубокомысленно изрекла Елена, положив мощную ляжку на другую и покачивая изящной туфелькой. Ее полные, обтянутые рукавами розовой кофточки руки возлежали на столе, и она отдыхала, отставив пустую тарелочку с чашкой подальше, чтобы не мешали поживать пышным грудям, вольготно расположившимся между локтями. Ира взглянула на туфельки и в который раз удивилась маленькому размеру ног при таком крупном телосложении. «И как она ходит, как не падает на таких маленьких ножках?!» – мелькнула совсем глупая мысль, которой Ирина тут же устыдилась. Прав Шурик, когда удивляется вслух, чем забита ее голова. «Это у меня от широты интересов», – утешила себя она.

– Слушай, Ирина, я без очков далеко не вижу, а надевать, чтобы пялиться на людей, неудобно. Там в углу, за твоей спиной, мужик сидит с какой-то чеченкой, так на Александра Борисовича похож. Я уже полчаса наблюдаю, но не уверена. А ну посмотри.

Ира оглянулась и чуть не свалилась со стула. Вот паразит, даже не дожидаясь командировки, принимает чеченок прямо, можно сказать, на рабочем месте. Генпрокуратура же за углом. И ладно, если бы действительно на рабочем месте, можно было бы объяснить их встречу служебной необходимостью. А они мало того что кофе попивают, у них еще и фужеры с какой-то горячительной жидкостью стоят. Может, глинтвейн, может, грог – Ирина в меню видела, но не заказала – при прохождении психологических тестов голова должна быть ясной. Алкоголь в этом случае не для нее – пьянеет с первой рюмки. Она подавила в себе острое желание позвать Сашку и растерянно повернулась к Елене.

– Сашка... – едва выдохнула она. – И чеченская баба. Вот с кем связался, сволочь. Мало ему своих!

Ее лицо покрылось красными пятнами, в голове зашумело, лютая злоба распирала ее, и очень хотелось затеять скандал. Если бы не симпатичные мужики за соседними столиками, поглядывающие на нее с интересом, чуть ли не подмигивая, непременно подкралась бы к Сашке – и по балде его сзади. Тарелкой. А бабе с наглыми голубыми навывкате глазами морду ее кукольную раскорячать... Ирка непроизвольно сжала пальцы в кулаки, ее колотило и колбасило, гнев рвался наружу.

– Спокойно, спокойно, Ирина. Мы не дома. Дома можно дать себе волю, эмоции надо выплескивать, в себе ничего нельзя держать. А сейчас встали, официантке улыбнулись – и мелкой рысью на улицу, на свежий воздух. Только не оглядываться. Там ничего интересного не происходит.

Уже на выходе Ирина не удержалась и оглянулась. Шуркина рука лежала на руке этой выдры с глазами, как будто она страдала базедовой болезнью. Ирина всхлипнула. Сволочь, сволочь, скотина, потаскун!

– Мы еще не дома. Спокойно, – одернула ее Елена. – И вообще, не вижу причин для такой бурной реакции. Он ее что, трахает всенародно? Или целуется взасос? Ну положил ей на ладонь руку. Может, утешает. Это жест примирения, успокоения. Вот если бы он ее гладил, тогда другое дело, тогда это говорило бы об их интимных отношениях.

– Может, это его какая-нибудь бывшая приехала, а он ее утешает. Дескать, ничего, скоро я к тебе опять приеду, натрахаемся вволю, а Ирка дура будет в Москве торчать и, как всегда, ничего не узнает! – По красивому Ириному лицу катились злые слезы, но громко рыдать было неудобно – вокруг шлялся народ, и так уже поглядывали на нее с любопытством. Фигу вам, не дождетесь! Ира взяла себя в руки.

– Значит, так. – Елена продолжала свой сеанс психотерапии. – Вечер прошел замечательно. Мы очень приятно поговорили. Кофе и пирожные были восхитительны. Немножко неувязочка получилась, неожиданно нами был замечен Александр Борисович, проводящий беседу с лицом кавказской национальности. К сожалению, женского пола и привлекательной наружности. Но! – Елена подняла палец. – Что-то я не видела выражения счастья на лице этой бабы. И даже следов нежности на нем не было. Баба чем-то сильно опечалена, видать, кто-то ее резко бортанул. Хорошо бы выяснить, что за проблемы у бабы. У Александра Борисовича тоже на лице ни особой радости, ни тем более угрызений совести. Это если бы он был причиной ее великой печали. И скандал с ним лучше не затевать. Обидится и затаится. А нам нужна правда, и только правда.

– Знаешь, Лен, почему к нему так бабы липнут? – Ира шмыгнула носом, но постаралась сдержать слезы. – Он очень симпатичный. И вообще среди следователей – самый сексуальный.

– Я с тобой согласна. Александр Борисович, несомненно, обладает физической привлекательностью. Невооруженным глазом видно. А это палка о двух концах. Я ведь тебе как-то говорила, что роль физической привлекательности в установлении социальных контактов имеет огромное значение. Это способствует завышению оценки других человеческих качеств: доброты, ума, талантливости. Привлекательные люди кажутся более убедительными. Им легче получить желаемый результат.

– Это ты о чем?

– Не парься, дорогая. Это я о том, что бабы всегда к нему будут липнуть. Ну, во всяком случае, еще лет тридцать. Убедительный он у тебя.

Ирина подозрительно посмотрела на подругу: что, уже и она попала под чары ее мужа?

– Он тебя уже в чем-то убеждал?

– В том, что умница. А насчет его сексуальности ты не волнуйся. У меня не было случая убедиться в этом. Чужие мужья мне по барабану. Так что держи себя в руках и подготовься к серьезному разговору с мужем.

Проинструктировав подругу, Елена чмокнула ее в мокрую щеку и энергично замахала рукой, подзывая такси. Ирина медленно поплелась к метро, ощущая в своей жизни полный крах. В голове гвоздем засело только одно слово «сволочь». И было досадно, что никакие другие слова не хотели вытеснить это банальное уличное ругательство, которое свойственно некультурным ревнивым женам. А она ведь женщина культурная, интеллигентка в четвертом поколении... Но культурные ругательства на ум не приходили. Дома Ира умылась, привела себя в порядок. Подумав, решила не переодеваться в старенькую растянутую футболку и домашние штаны с пузырями на коленях, а выбрала для серьезного разговора с неверным мужем джинсы в обтяжку и маечку с декольте. Пусть, сволочь, оценит ее фигуру в самом выигрышном виде и поймет, чего он может лишиться в одночасье, если она его выгонит на фиг. Ирина посмотрела на себя в зеркало и опять чуть не разревелась. Она в тыщу раз лучше той

лупоглазой, которой в обед сто лет, а дурак Сашка ее по руке гладил... Не гладил, ладно, но ведь касался ее руки...

В дверном замке повернулся ключ, и Ира услышала топот Сашкиных ног. Пыль с ботинок стряхивает на коврик, подлизывается. Видать, совесть мучает. Ира встречать его не вышла принципиально, она вальяжно раскинулась в кресле и читала книгу И. Крылова «В мире криминалистики». Расширяла свой кругозор. Сашка привычно выкрикнул из коридора, что он дома, долго мыл руки, пыхтел и плевался, в общем, слышался обычный набор звуков, который свидетельствовал о хорошем настроении мужа. Наконец появился перед ней, улыбаясь, как ясное солнышко, которое не ведает, что грозовая туча уже на подходе и может разразиться неистовым громом.

– Где был? – спокойно спросила Ирина, не поднимая от книги глаз.

– На работе, потом с ребятами заскочили в пивнушку, давно не собирались, – нагло врал Турецкий. А что ему еще оставалось делать? Не признаваться же, что он встречался с женщиной. Ирка таких встреч не понимает, даже если они связаны с его работой. Таких ревнивых еще поискать.

– Не стыдно врать-то? От меня ничего не скроешь! Видела я твоих «ребят». Баба лет пятидесяти, чеченка, глаза навывате... По ручке ее гладил. Ну и вкус у тебя, Шурик. Совсем сбрендил? – Ира, помня наставления подруги, решила сразу не заводится. Хоть попробовать свои эмоции держать в узде. А там уж как получится. В конце концов, не железная же она.

Турецкий обалдело уставился на жену. Это ж надо! И как она его углядела? Или кто-то уже успел накапать? А кто? Хоть совесть у него была чиста, но привычка юлить, когда приходилось от себя подозревание в неверности, заставила его и теперь заискивающим тоном объяснить ситуацию:

– Ириш, я действительно сидел в кофейне с одной несчастной женщиной, но все было не так, как ты себе представляешь.

– Банальный ответ. Обычно так в фильмах говорит муж, которого жена застала с любовницей.

А как же все было на самом деле? – ехидно поинтересовалась Ирина.

– Ну, во-первых, эта женщина, Соня Салтанова, ингушка, а не чеченка. А во вторых, у нее беда. Да такая, что врагу не пожелаешь.

– Ну рассказывай, что за беда такая у этой несчастной, что ей на глазах у всего честного народа нужно было ручку гладить!

– А разве я гладил? – искренне удивился Александр. Он действительно не помнил, чтобы гладил Сонину руку. Но раз Ирка говорит, может, так оно и было. – Я ее утешал, потому что действительно ей очень плохо. Она сначала в Генпрокуратуре рыдала, потому что мужик ее пропал. Кстати, офицер, наш, русский. И его теперь подозревают, что он перебежал к чеченцам. А у нее сынок от него. А она мужика своего уже полгода не видела и просит, чтобы я помог его разыскать и восстановить его честь. Не верит, что он на службе у бандитов. Где он, спрашивается, если среди убитых его не нашли и слухи упорные ходят о том, что он сбежал с террористами?..

Турецкий говорил сбивчиво, но, как ему казалось, вполне убедительно. Нормальная жена сразу же прониклась бы жалостью к несчастной женщине, на которую сразу столько бед свалилось: и маленький сынок без отца растет, и сам отец в плену – жив ли он? Но Ирка с ее гипертрофированным чувством ревности, которое не на пустом месте взращивалось всю их супружескую жизнь, все-таки пренебрегла мудрым советом Гординой и накинулась на мужа, как злобная фурия:

– Ты эту историю про несчастную чеченку расскажи кому-нибудь другому! А я твоими историями сыта по горло. Сколько я их переслушала за свою жизнь, кобель ты неугомонный!

Ее понесло, и много чего нелестного услышал про себя Турецкий, на сей раз без вины виноватый. Что было особенно обидно. Впрочем, Иркины обвинения, сдобренные сочными метафорами, мало чем отличались от обычного ее репертуара. Но на этот раз гроза гремела долго, потому что одно дело догадываться, допускать, подозревать и даже представлять, а совсем другое – воочию видеть руку любимого на руке чужой бабы, которую Ирка уже успела возненавидеть на всю жизнь.

– Подожди, не заводись ты так, – пытался умирить ее яростный гнев Турецкий, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля. Он знал, что, стоит Ирке закусить удила, привести ее в чувство будет крайне трудно. Она уже слышит только себя, до нее не достучаться. Но нельзя же было допустить, чтобы она утвердилась в своей правоте и поверила в нее. – Тихо! – заорал он и стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнула чашка с остатками крепкого кофе, которым Ирка пыталась заглушить свое горе. Жена от неожиданности вздрогнула и на секунду замолчала. Турецкий тут же воспользовался паузой. – Я не обязан тебе докладывать о деталях, которые относятся к делу об исчезновении этого офицера. Фамилию называть не буду. Но чтобы ты убедилась, что мы с Салтановой говорили именно о нем, выслушай хотя бы меня. Впрочем, некоторые сведения у нас в прессе уже сообщались. Помнишь, в газетах писали о нападении террористов на МВД Ингушетии, в результате чего погибли 79 человек и 114 получили ранения? Тогда наших ребят захватили террористы. С тяжелейшими потерями их вскоре освободили федералы. Боевики в то же время подготовили запасной вариант – хотели захватить школу в ближнем поселке на случай неудачи с нападением на МВД Ингушетии. Под командованием этого офицера его рота блокировала школу, бойцы окопались вокруг нее и держали оборону. Но после боя его не нашли ни среди живых, ни среди мертвых. Поползли различные слухи, и среди них слух о том, что он сбежал к «своим», якобы кое-кто уже давно подозревал о его связи с террористами. Знаешь, как бывает, когда люди еще не опомнились от горя, потеряв своих друзей?.. Мало ли что приходит в голову людям, ослепленным горем, когда ненависть жжет и нередко указывает перстом на без вины виноватого?.. Так вот, Соня с тех пор его не видела и была в полном отчаянии. Она ни на минуту не верила в его измену, а слухи о том, что он сбежал с террористами, набирали силу. Ведь бывали подобные случаи, когда перебежчики-предатели верно служили террористам. У нее через полгода после исчезновения Валентина – так зовут этого офицера – родился сын, Марат. И она закликает меня восстановить честь его отца. Каково будет расти мальчику, зная, что он сын предателя?

Ирина слушала мужа, широко раскрыв глаза. Драматическая история звучала вполне правдоподобно. Но почему эта Соня обратилась именно к Турецкому? Откуда она его знает?

– Ты с ней давно знаком? – В голосе Ирины прозвучали нотки ревности, и Турецкий, естественно, не мог их не заметить.

– Она заведовала гостиницей в Назрани, когда я ездил туда в командировку с бригадой из Генпрокуратуры, – уверенно ответил он и посмотрел на нее своими честными глазами. Конечно, нельзя признаваться в том, что Соня ему тогда понравилась, что они даже поужинали однажды вместе в ресторанчике и что он отступился от нее только из чувства мужской солидарности с неведомым ему капитаном Куликовым и из уважения к женской верности.

Честный взгляд мужа не слишком убеждал Ирину в его искренности. Но сомнение в правоте своих действий возникло, и терзаемая сомнениями Ирина не спала всю ночь. Она вспоминала и счастливые минуты их долгого брака, и муки ревности, которые не давали ей никогда расслабиться, поскольку она хорошо знала любвеобильную натуру своего Шурки. Ну что же поделать с тем, что бабы его тоже любили, что ни одна не могла устоять перед его обаянием? Когда она поделилась своими горестями с Еленой Гординой, та сразу же нашла нужный ответ:

– Но ведь выбрал он тебя и всегда к тебе возвращается. Следовательно, ты лучше всех! Я не понимаю, как можно в себе сомневаться, если ты лучше всех! И его поведение это как раз

доказывает. Как жаль, что ты поздно заинтересовалась психологией. В частности, психологией межличностных отношений. А еще точнее, отношений мужчины и женщины. Ты тогда давно бы смотрела на его похождения сквозь пальцы.

– Это отчего же? – недоверчиво переспросила Ирина.

– Да оттого, что мужчина природой создан осеменить как можно больше женщин, потому что среди мужчин смертность выше, а нужно оставить как можно больше потомства – для выживания вида.

– Так у него еще и детей по всему свету немерено?! – возмутилась Ирина. Безудержная фантазия нарисовала ей толпы детишек, которые с одинаковыми лицами, точь-в-точь ее Шурик, шагают по планете, взявшись дружно за руки. У нее даже дух перехватило от этой картины и захотелось немедленно задушить любвеобильного самца-производителя. Вождя этого неподдающегося исчислению племени.

– Не факт, – глубокомысленно произнесла Елена. – Кто-то непременно проявился бы за эти годы. Хотя бы требуя алименты. Кто-нибудь требовал?

– Нет, пока никто, – упавшим голосом произнесла Ирина и получила в ответ крепкое рукопожатие подруги. Дескать, все прекрасно, жизнь хороша и семье Турецких не грозит умереть с голоду, выплачивая многочисленным побочным детишкам алименты.

Ирина маялась тяжелыми мыслями, которые не давали ей уснуть, а Сашка рядышком всхрапывал сном здорового человека с чистой совестью. К утру несчастная, сомневающаяся жена сумела себя убедить в том, что Сашка все равно любит и ее, и Ниночку. Но пускай искупит свою вину. Может, тогда она его и простит.

– Доброе утро, – произнес, улыбаясь, виновник ее бессонной ночи, едва разлепив глаза. Все-таки улыбка у него была замечательная.

Он потянулся к ней с поцелуем, но Ирка отстранила его лицо рукой.

– Шурик, я не спала всю ночь. Все думала, думала... Я же люблю тебя до сих пор. Хотя и кровушки ты моей попил за эти годы...

При этих словах на лице мужа появилась виноватая улыбка, и он опять потянулся к ней, чтобы обнять, но Ира была непреклонна и мягким движением руки отстранила его.

– Ты знаешь... Все, что ты мне рассказал, похоже на правду. Но ты не представляешь, как я настрадалась, как измучилась за эту ночь. В общем, я тебе поверю и прощу, если ты найдешь этого человека, Валентина. Живого или...

– Или?... – Саша горько усмехнулся. – Ты хочешь сказать – на щите или со щитом?

– Именно это я и хочу сказать, – твердо ответила Ирина. – Мне трудно поверить тебе, но я стараюсь. И только ты можешь рассеять мои сомнения и тревогу, только ты можешь помочь мне опять поверить тебе. И я жду тебя со щитом.

– Ирка, ты столько драматизма вкладываешь в эти слова! Прямо какой-то марш «Прощание славянки» получается. Правда, как музыканта я тебя понимаю. – Турецкий невесело посмотрел в грустное непреклонное лицо жены.

– Нет, *прощение* славянки, – поправила его Ирина. – И ты его получишь, если очень постарайшься.

Когда после завтрака Турецкий стал собираться на работу и загремел ключами, открывая дверь, Ирина не вышла его проводить. И прощального поцелуя и подбадривающей улыбки, которой она обычно одаривала его, провожая на работу, он не получил. Дело становилось серьезным.

Невеселые мысли бродили в голове, и не радовало ни солнышко, ни теплое утро, ни красивые девушки, коими так богат славный город Москва. Если Ирка упрется, то не успокоится, пока своего не добьется. Но и он тоже – не срываться же на Северный Кавказ выполнять поручение своей жены! Хотя, по большому счету, в розыске капитана Куликова было заинтересовано множество лиц. Дело переставало быть приватным. Соня слезно умоляла найти своего

возлюбленного, Ирка требовала найти капитана из своих соображений, но восстановить честь пропавшего офицера в глазах его боевых товарищей было куда важнее. Турецкий призадумался. И в стенах Генпрокуратуры, занимаясь множеством необходимых дел, время от времени мысленно возвращался к новой задаче. Среди дня, решив перекусить, он направился в буфет. И только поставил поднос с гороховым супом и купатами на столик в укромном уголке, увидел, как к нему направляется со своим подносом Виктор Солонин. Когда-то он стажировался в Международном антитеррористическом центре, в Германии, в Гармиш-Партенкирхене, где располагалась эта секретная школа и где одно время преподавал Турецкий. А потом они вместе участвовали в операциях. А ныне Витя, как слышал Турецкий, уже поднялся до помощника министра внутренних дел.

Встреча была сколь неожиданной, столь и радостной. Нечасто им приходилось встречаться, поэтому разговор после энергичных приветствий плавно перешел на профессиональную тему.

– Давно не виделись, смотрю, раздобыл даже малость, – оглядел его Турецкий с улыбкой. – Чем сейчас занимаешься?

– В данный момент приступаю к трапезе, – рассмеялся Солонин, – а через три часа уже буду в пути.

– И куда путь держишь, если не секрет?

– Какие секреты от тебя, Александр Борисович? В Ингушетию лечу, в служебную командировку. Дела там серьезные предстоят.

Турецкий сделал охотничью стойку.

– На ловца и зверь бежит! – радостно воскликнул он. – Виктор, то есть господин полковник, не в службу, а в дружбу, помоги в одном деле разобраться.

– Всегда пожалуйста, господин госсоветник, – пошутил Солонин, – если территориально это дело попадает в зону моего маршрута.

– Попадает, попадает, – заверил его Турецкий. – Ты же в Назрани будешь?

И кратко описал суть дела, порекомендовав заодно гостиницу «Заря» как надежную и вполне комфортную. По тамошним меркам.

– Кстати, знаешь, как имя Соня переводится с ингушского? – решил просветить он своего старого товарища. – «Одинокая». Вот она, бедняжка, в одиночестве и дожидается своего капитана, уже все слезы выплакала. Знаешь, какая красавица была? Глаз не отвести! А теперь от переживаний постарела, я ее даже не сразу узнал. Попытайся разузнать. Чем черт не шутит, вдруг тебе удастся то, что другим не удалось? Ты парень башковитый, я тебя всегда выделял.

Солонин заулыбался по поводу столь неприкрытой лести, но честно пообещал сделать все, что будет от него зависеть.

Командировка, или Ближний бой на закрытой местности

В Назрани было жарко и пыльно. Прощайте, милые сердцу прохладные московские утренние часы! Уже в десять часов утра ртутный столбик на градуснике назранского МВД показывал двадцать пять градусов. Солонин недовольно поморщился. Это что же можно ожидать днем? Жару он не выносил, поскольку юность свою провел в северных широтах, поэтому ощущение, как тело в жару начинает плавиться, истекая струйками пота, ненавидел. Эх, была бы возможность не вылезать весь день из прохладной горной речки! Или хотя бы три раза в день принимать душ! Или, на крайний случай, разрешалось при его звании ходить в шортах и майке-борцовке! Но – увы! По уставу он должен париться весь день в форме, демонстрируя местным военным властям погоны полковника внутренней службы.

Еще накануне вечером, получая ключ от номера небольшой гостиницы «Заря», он вычислил среди малочисленного гостиничного коллектива Соню Салтанову. И как только разложил в номере свой скромный скарб, отправился к ней знакомиться. Соня из холла гостиницы уже переместилась в свой маленький кабинетик и Солонина встретила со сдержанным любопытством. Он тоже смотрел на нее с интересом. Действительно красивая, но на лице застыло выражение горестного недоумения. Хотя оно вполне сочеталось с решительностью и некоторой властью, свойственной людям, обладающим мало-мальской властью. Солонин представился, пожал ее изящную ручку, неожиданно горячую и сухую. Администратор вежливо поинтересовалась, сколько он предполагает провести времени в их замечательном городе, и, казалось, слегка была удивлена его визитом в ее кабинет. Но как только Солонин сослался на Турецкого, Соня мгновенно преобразилась. Печать официальности тотчас же исчезла с ее лица, глаза вспыхнули надеждой, и она как-то сразу похорошела. Он понял, что ей вовсе не под пятьдесят, как он решил в первый момент, а по крайней мере лет на пятнадцать меньше.

– Удобно ли нам поговорить здесь или лучше выйти на воздух? – поинтересовался он, не зная, в какой степени нужно соблюдать конспирацию.

– Мы можем поговорить здесь. – Она взглянула на часы. – Рабочий день закончился, весь персонал, кроме дежурной по этажу, уже ушел.

– Тогда расскажите мне подробнее все, что вам известно о последнем дне, когда Куликова видели еще в бою. Возможно, по вашим наблюдениям, вы замечали в последнее время что-нибудь необычное в его поведении? Очень важна каждая деталь, даже если она вам кажется незначительной.

Он внимательно слушал ее, делая короткие записи в своем блокноте, задавал вопросы. Соня честно пыталась вспомнить каждую мелочь. Было видно, что она прилагает большие усилия, чтобы попытаться восстановить картину последних встреч с Куликовым. Исписав две страницы, немного разочарованный скудостью информации, Солонин попрощался с Соней и пообещал, что постарается выяснить все возможное. Пускай она не теряет надежды.

– Я только надеждой и живу, – тихо проговорила она и отвернулась к окну. В глазах ее стояли слезы.

В номере Виктор Солонин перечитал свои записи. Никаких зацепок, которые могли бы подсказать тайну исчезновения Куликова, не было. Что ж, нужно встретиться с кем-нибудь из роты Куликова, кто был рядом с ним во время боя с боевиками. С этими мыслями он наконец смог принять душ и крепко уснул.

Кабинет Асланбека Ошаева очень напоминал кабинет Солонина в его родном ведомстве. Такой же книжный шкаф, заполненный юридической литературой и толстыми папками, такой же письменный стол с полированной столешницей. Только вместо обычного стула – чуть ли

не царский трон с высокой резной спинкой и удобными подлокотниками. Заметив взгляд московского коллеги, Асланбек усмехнулся:

– Подарок местной мебельной мастерской. Сделали на заказ одному не бедному клиенту, а тот вдруг в одночасье со всей своей семьей уехал в неизвестном направлении. Мы наводили справки – с ним все чисто, никакого криминала. Может, запугали?

В результате кресло перекечовало ко мне. Хозяин мастерской решил, что для меня оно в самый раз. А я не стал отказываться. В нем и подремать иной раз удобно... – Он хитро улыбнулся.

Но Солонин знал, что под хитрой улыбкой Ошаева скрывается жесткий и безжалостный профессионал, благодаря которому в Ингушетии раскрывались тяжелые дела, фактически всяки. Солонин приехал по его личному приглашению помочь разработать план антитеррористической операции. Опыт у него такой уже был, после чего он снискал славу охотника за головами. Благодаря его удачно разработанным операциям в прежние приезды актив назранского МВД пополнился успешным уничтожением четырех банд.

Ошаев и Солонин сели над раскрытой картой и углубились в ее изучение. Ошаев водил остро отточенным карандашом по одному из горных районов Ингушетии, граничащему с Чечней, комментировал недавние события, когда очередная чеченская банда пыталась захватить ингушское село, но нарвалась на засевших там русских и ингушских бойцов. Потери с обеих сторон были небольшие, банда почему-то быстро отошла.

– Неспроста! – размышлял вслух Ошаев. – Ощущение такое, что это была пробная вылазка... Ощупывали ситуацию: сколько там наших сил? Но мы тоже схитрили: не все оружие задействовали. Так что завтра ждем подкрепления и свои силы хотим выдвинуть немного вперед. – Он показал карандашом куда. – А на старых позициях создадим видимость активной жизни.

Солонин одобрил план Ошаева, внес и несколько своих предложений.

– Кстати, Асланбек, ты не слышал о таком русском офицере Алихане? Он исчез в прошлом году. Ходят слухи, у террористов в лагере теперь – то ли в плену, то ли добровольно с ними ушел.

– Как не слышать? Мы две недели назад одного боевика захватили, он с напарником в кустах затаился, за дорогой следил, в бинокль наблюдал. А тут наши поднимались по этой дороге, и один боец заметил блеск стекол – день солнечный был. В общем, наш боец действовал грамотно и быстро, товарищу шепнул, и оба одновременно в кусты свернули, когда их дерево от боевиков закрыло. Предупреждать остальных бойцов было опасно, боевики заметили бы.

– А если бы на засаду нарвались ваши храбрецы?

– Исключено, за полчаса до этого наша разведка донесла: все чисто. Так что одного бандита «случайно» пульей задела, он и свалился без звука, а второго успели скрутить. Вот он нам информацию и выдал. Не сразу, конечно, – нажать пришлось. И про Алихана раскололся. Дескать, смелый, отчаянный, его в кандалах держат. А с собой в горы его на себе уносили, ранение у него тяжелое было, без сознания среди трупов лежал. Но пока не убивают, у них свой интерес. Хотят обменять на одного их боевика, он у наших сидит в «мешке» уже полтора месяца. Говорил, что, если обменять не удастся, Алихан сам помрет, пули тратить не будут. Они его почти не кормят, сволочи. Мы спросили: где их база? Он только на третий день сказал. Пришли, а их и след простыл. Не дождались своих лазутчиков и с места снялись. Времени-то понять, что неладное что-то случилось с их разведчиками, у них было предостаточно... Алихана, естественно, с собой увели.

Солонин слушал Ошаева и мысленно уже докладывал Турецкому, что слухи о капитане Куликове подтвердились. Неизвестно, где он, но то, что теперь его действительно зовут Алиханом и в плен он попал не по своей воле, – уже какая-то информация.

– Слушай, Асланбек, а кто будет командовать операцией? – как бы невзначай поинтересовался Солонин.

– Молодой полковник Мазур, его всего три месяца назад повысили. Он у нас местная знаменитость. Недавно банду Руслана Салатаева разгромил. Ох допекали они нас! Действовали нагло, применяя обычную для них тактику. Стекались в какой-нибудь заранее намеченный пункт под видом мирных жителей. Потом командир сосредоточивал их ночью и обеспечивал концентрацию пулеметов и гранатометов. В назначенное время такой летучий отряд начинает внезапно атаку. Если атака захлебнется благодаря отпору федералов, отряд тут же рассредоточивается на мобильные группы, которые продолжают атаковать намеченную цель. И состав групп у них обычный – снайпер, пулеметчик, гранатометчик и автоматчик, который прикрывает всю группу огнем. Да что тебе говорить, сам знаешь. И исчезают, прямо растворяются в лесах. Но разведдзор Мазура их выследил. А затем отряд устроил засаду, когда они направлялись на очередную операцию.

– Да, ничего не изменилось со времен Шамиля, разве что огневые средства и связь другие и вместо лошадей – броня. Я читал как-то материалы по военной истории времен генерала Ермолова. Попался мне дневник офицера императорской армии времен Кавказской войны первой половины девятнадцатого века. Так он сравнивал чеченцев с роями ос, внезапно нападающими и так же внезапно исчезающими.

– Мы знаем об этом... Иногда противоречивые чувства возникают. Скажи, как они могут относиться к русским, если в Кавказской войне при Александре Первом Чечня потеряла больше половины своего населения? А во время Отечественной войны, в 1944 году, сколько их было депортировано, знаешь?

– Представляю...

– То-то и оно... Почти четыреста тысяч чеченцев и под сотню тысяч ингушей. Причем вывозили поголовно всех, от грудных младенцев до глубоких стариков.

– Кстати, в прошлый свой приезд в Назрань я разговаривал с чеченскими боевиками, которых удалось захватить в плен. На вопрос, почему они так зверствуют, у них один ответ: Россия триста лет пытается уничтожить чеченский народ.

– К сожалению, именно так они и думают. Чечня и ныне воинственное анархическое общество. У них даже пословица есть соответствующая – «От смерти бегать стыдно». Неудивительно, что они победили в последней войне. Хотя по статистике на одного чеченского бойца приходилось по пятнадцать русских. Как жаль, что мы не учимся на своих исторических ошибках...

– Если бы это зависело от нас. Кстати, а этот твой полковник Мазур сейчас в пределах досягаемости?

– Познакомить вас? – спросил Ошаев. – Сейчас приглашу его.

Прошло совсем немного времени, и в кабинет Ошаева вошел сухощавый, среднего роста совсем еще молодой человек. Узкое, изрытое оспой лицо было не улыбочивым, жесткий взгляд круглых глаз цепко скользнул по лицу Солонина. Стало как-то неуютно от этого холодного взгляда, который ничего доброжелательного не выражал. Ошаев представил московскому коллеге вошедшего, тот протянул руку, и Солонин пожал ее, ощущая шершавую бугристую ладонь, будто полковнику ежедневно приходилось рыть окопы. Поговорили о предстоящей операции, и, когда Ошаев сообщил Мазуру, что с ними в отряде пойдет Солонин, тот сдержанно заметил:

– Слышал о вас. Рад, что благодаря вам укрепитесь наш личный состав.

– Ну что вы, думаю, именно ваш опыт бесценен, – любезно ответил Солонин.

– А уж как нам пригодится ваш опыт! – впервые улыбнулся Мазур, и его лицо немного смягчилось. – О вас тут легенды рассказывают, будто что вы на слух по плотности огня противника умеете определять его численность, вооружение, и даже где он сосредоточивает основные силы.

– К сожалению, ни в одном военном училище не обучают, как на слух по силе огня оценить противника. Меня этому обучил наш командир роты, который Афганистан прошел.

– Вот и воспользуемся вашими навыками, ведь наша ближайшая операция будет происходить на закрытой местности.

Ошаев взглянул на настенные часы.

– А не пора ли нам пойти поужинать? Мы уже все обсудили, самое время и передохнуть, – вмешался он в разговор, довольный, что обычно сдержанный и даже немного угрюмый Мазур нашел общий язык с Солониным.

Ужинать пошли в ближайшее кафе. Каково же было удивление Солонина, когда вместо скромного столика на троих он увидел в небольшом, уютном зале несколько сдвинутых вместе столов, заставленных дымящимися тарелками и супницами. Кормить гостя из центра готовились всерьез. Несколько мужчин довольно бандитского вида обслуживали гостей. За столом, как положено на Кавказе, сидели одни мужчины, и все в военной форме.

– Звездный стол! – оценил встречу Солонин.

– Да, можно сбиться, пересчитывая звездочки на погонах! – пошутил Ошаев. – Но надеюсь, пища богов затмит сияние наших звезд! – пафосно закончил он небольшую прелюдию к главному тосту: – За нашего гостя, который отложил свои важные дела и протянул нам руку помощи!

Все радостно зашевелились, послышался звон бокалов, в которых искрилось темное красное вино. На вкус оно было терпким и приятно обволакивало гортань. Мясо источало восхитительный аромат, и Солонин с наслаждением впился в него крепкими зубами.

– Жаль, что я женился не на ингушке, – посетовал Виктор. – Такое вкусное мясо никто, кроме ваших женщин, не умеет готовить!

– А я бы от русской жены не отказался, – возразил Асланбек. – Какие щи они варят, сказка!

Мужчины принялись обсуждать гастрономические достижения различных кухонь мира, и никто не вспоминал, что, возможно, это пиршество может оказаться последним в жизни кого-нибудь из них: через день предстояло выходить в горы.

Турецкий поднял трубку внутреннего телефона и, заслышав голос Солонина, радушно пригласил его зайти в кабинет.

– Ну герой, герой! – похлопал он по плечу своего бывшего любимчика-курсанта. – При том «Герой» с большой буквы. Слышал, что тебя представили к награде. – Оглядел его со всех сторон и удовлетворенно добавил: – И загорел, и похудел. А в командировке-то всего месяц был. Ну рассказывай, за что орден отхватил.

Они присели на мягкий диван, расслабленно откинулись на спинку. Солонин стал подробно докладывать о знакомстве и разговоре с Соней Салтановой. Турецкий нетерпеливо дожидался самого интересного. Он уже знал о том, что группа Мазура и Солонина освободила из плена русского капитана. Но, видимо, Солонин решил оставить эту информацию на десерт, с чем Александр Борисович был согласен. Он сам любил приберегать самое интересное напоследок. А пока он засыпал Солонина вопросами о боевых действиях федералов в горах.

– Кто руководил операцией? – Турецкий хотел услышать знакомое имя, и Солонин его назвал:

– Полковник Мазур, молодой совсем. Может, вы его и не помните. Но он вас знает, как-то сопровождал в одной вашей командировке. Когда вы в Назрани были.

– Погоди, припоминаю Мазура... – задумчиво произнес Турецкий. – Худой такой, лицо узкое, со следами оспы, пронизательный взгляд. Смотри, уже полковником стал!

– Точно, он. А взгляд его не просто пронизательный. Как-то даже неуютно становится под прицелом его взгляда.

– Хорошо сказал – под прицелом, – подметил удачное сравнение Турецкий.

– План операции, по существу, мы вместе разрабатывали. Он предложил под вечер выходить, аргументировал убедительно. Я-то сторонник утренних рейдов. Но он крепкую команду сколотил, там и спецназ, и омовцы. Словом, специалисты, которые ночной бой вести могут с завязанными глазами. Это я фигурально говорю.

– Ну рассказывай, как бандитов брали, – с мальчишеским интересом слушал его Турецкий.

– В горы начали подниматься, солнце уже к закату клонилось. До места дошли без приключений. У них база в лесу, в бывшей деревне. Там, видать, не один бой проходил. Разрушений много, жителей – никого. Даже собак нет.

– Ну это вам на руку, собаки чужаков сразу чувствуют, лай бы подняли.

– Поначалу нам удалось близко подползти и врасплох их застать, там трава некошенная, хозяев-то нет. В бинокль понаблюдали – парочку арабов углядели, даже негра одного.

– Да к ним наемники как пчелы на мед летят, боевики им такие деньги платят. А в наемники, сам знаешь, за деньгами идут. Им все равно, в кого стрелять. Ну а дальше? – перебил себя Турецкий.

– Эти бородачи – люди стреляные, заматались, забегали, оружие у них наготове. Ответную стрельбу открыли. Пристрелялись, такой ураганный огонь пошел! Но мы постоянно перемещались. И преимущество все равно за нами оставалось некоторое время. Солнце закатилось, темень, но у нас приборы ночного видения. Мы цепью залегли, с двух сторон. Открыли стрельбу из гранатометов. И позиции сразу меняли по правому и левому флангам.

– А сколько их было?

– Подсчитали после боя – двадцать два человека уложили. Пальба с обеих сторон такая стояла, да еще эхо ее разносило, как будто две армии сражались. Трассирующие со всех сторон огненными стрелами, – вдохновенно продолжал Солонин, и глаза его горели. Турецкий тоже пришел в возбуждение, он слушал рассказ своего собеседника как захватывающую историю. – А потом по одному дому как жажнули, а там, оказывается, склад боеприпасов. Как рвануло! Красота! Огонь полыхает, гранаты рвутся, прямо фейерверк во вселенском масштабе!

– Слушай, Виктор, а ты стихи, часом, не пишешь? У тебя такая речь метафорическая!

– Не-а, стихи не пишу. Песни сочиняю, про войну, – поскромничал Солонин и не признался, что и стихи пишет, и даже рассказы пробовал, да стесняется кому-нибудь показывать.

– Как-нибудь споешь? – спросил его Турецкий.

– Может быть... – неуверенно пообещал Виктор.

– Долго длился бой? – вернулся к теме Турецкий.

– Да где-то с час. У нас шестерых ранило, а двоих насмерть. А их всех постреляли. Стрельба с их стороны прекратилась, а это означало только одно – стрелять уже было некому. Они же до последнего сражаются. Проверили всех, документы собрали.

– Ну молодцы, – похвалил Турецкий героизм федералов.

– Да это еще не все, – перебил его Солонин. – Мы дома-то прочесали. То есть то, что от них осталось. И в одном подвале нашли нашего офицера. Худющий – жуть. В чем только душа держалась. Ноги в кандалах, руки за спиной веревкой скручены. Вытащили его на свет божий, мать честная – живого места нет! А сам ничего – улыбается, говорит нам: «Спасибо, братцы». У меня даже дыхание перехватило от жалости. У него половины зубов нет, выбили эти сволочи, гореть им в огне на том свете! Мы его напоили, покормили, спрашиваем: «Идти сможешь?» – «Смогу, вы меня только поддерживайте», – отвечает. Передохнули с часик и назад пошли.

– Так ты мне главное не говоришь, как его зовут офицера нашего?

– Александр Борисович, – неожиданно виноватым тоном заявил Солонин, – а ведь освобожденный капитан не тот, которого вы ищете...

– Как не тот? Мне сказали, что именно Куликов, которого духи называли Алиханом.

– Алихан-то он Алихан, да фамилия у него другая – Казаков, Владимир. Хотя по описанию похож. Я даже сначала решил, что это он, как только увидел его.

– Вот жалость-то, – огорчился Турецкий. – То есть счастье, что спасли этого Казакова, но жаль, что Куликова так и не нашли.

– А дальше что было, не поверите. Спускаемся с гор, чуть не половина группы, считай, из строя вышла. Кто ранен, кто поддерживает раненых, да еще четверо убитых несут. И вдруг попадаем из огня да в полымя. Нарвались на другую банду. Видать, недалеко от этих находились, стрельба их привлекла. Сначала тяжело было, но наши ребята тертые, прошли огонь и воду, бились изо всех сил. Раненые тоже. Откуда только второе дыхание пришло. Все-таки прорвались, и был момент, когда Казаков меня своим телом прикрыл, жизнь мне спас. До сих пор не могу понять, как он углядел, что бандит в меня целится. Ночь ведь, темень... Его тоже к ордену представили. Он сейчас в госпитале лежит, ранения у него тяжелые.

– Да, я слышал, – задумчиво произнес Турецкий.

– Конечно, я помнил о вашем задании. Проводил оперативно-розыскные мероприятия. Подключил местных оперов, военную прокуратуру. Как в воду канул ваш капитан Куликов. Я попросил перед отъездом, чтоб они это дело под контролем держали. Асланбек Ошаев обещал сделать все возможное, чтобы отыскать его следы.

Они еще немного поговорили, Солонин торопился с докладом к своему начальству. Турецкий был огорчен: плохо получилось с его обещанием, а у Ирки появился новый аргумент против него... Вот и выходит, что не заслужил он «прощения славянки».

Пятое убийство

Володя Рубцов сидел в машине у подъезда шефа и ждал, когда он наконец соизволит спуститься. Что-то в этот раз шеф не спешил. А ведь сам вчера предупредил, чтобы Володя за ним приехал вовремя, не опаздывал. Хотя Рубцов и так всегда приезжал минута в минуту. Но шеф любил поворчать, хотя мужик он ничего, добрый. Шофер еще раз удивленно посмотрел на часы. Запоздывал Игорь Вячеславович уже на пятнадцать минут. Случай небывалый. Володя набрал на сотовом телефоне номер шефа. Короткие гудки. Ну ладно, наверное, переговоры какие-то ведет.

Рубцов включил магнитолу и стал слушать городские новости. Но ничего нового диктор не сообщил, а то, что Рубцов слышал, он и так знал. Диктор местной радиостанции торжественным голосом оповещал радиослушателей о том, что на рождественской службе в соборе Святого Георгия присутствовал, как обычно, мэр города Нефтегорска Груздев Игорь Вячеславович. Но в этот раз без супруги. Ясно, что без супруги, подумал Володя. Поскольку она с дочерью отдыхает в санатории в городе Сочи, где, как известно, темные ночи. Лично он в зимнее время не потащился бы отдыхать в Сочи, потому как больше всего в жизни любил импортные теплые моря. Например, близ турецких берегов. Правда, на халяву можно было бы прошвырнуться в Сочи и зимой, дня на два, не больше. Отоспаться в фешенебельной гостинице или в том же санатории мэрии Нефтегорска, где сейчас проводит рождественские каникулы Регина Васильевна Груздева со своей дражайшей дочуркой Ренатой. Врединой, каких мало. В магнитоле запикали часы. Шеф задерживался уже на тридцать минут. И это уже вовсе вопиющее безобразие. А в телефоне опять короткие гудки. Придется вылезать из машины на мороз и топать к подъезду. Хорошо, дворники знают, кто живет в этом доме, снег всегда расчищают вовремя, сколько бы его ни навалило. Рубцов вылез из машины и машинально взглянул на окна шефа на четвертом этаже. «Мать честная! Это что же такое?» – Его прошиб пот. На серых стенах вокруг окон квартиры Груздева он углядел следы черной копоти, стекла и вовсе отсутствовали, обгорелые рамы торчали безобразными скелетами в провале окон. Он остолбенел, поскольку не знал, куда бросаться. То ли бежать в подъезд, то ли звонить в милицию. Пожарную вызывать поздно, они уже здесь побывали. Только теперь он обратил внимание на множество следов от протекторов больших колес во дворе, на свежем снегу. То есть снег лежал со вчерашней ночи, утром день был ясный. Пока мысли вихрем носились в его обалдевшей голове, дверь подъезда распахнулась и вышла молодая женщина, которую тянул на поводке здоровенный кобель какой-то породистой масти. Рубцов собак не любил и в их породах не разбирался. Он бросился наперерез женщине, и пес метнулся к нему, чуть не сбив с ног хозяйку.

– Стоять, Каро! – крикнула она и натянула поводок.

– Что у вас тут случилось? – Рубцов вовремя затормозил, а то чуть было не поскользнулся на ледяной корке, покрывающей снег. Он посмотрел под ноги и понял: наледь образовалась, когда тушили пожар.

– Ой, вы же водитель Груздева! – узнала его женщина. – А у нас тут такое было! У него ночью газ вспыхнул, пожар начался. Хорошо, соседи не спали, слышали хлопки, треск, как при пожаре бывает, потом дым из квартиры просочился в подъезд. Сразу вызвали пожарную команду...

– А что же с Игорем Вячеславовичем? – Володя бесцеремонно перебил ее, удивляясь бестолковому рассказу. Какие, на хрен, хлопки и треск, когда в квартире человек находился?

– А он задохнулся. Наверное, отравился угарным газом. Когда пожарная приехала, милиция тоже сразу же прикатила, двери взломали, там все горело всюю. Но пылала в основном кухня. А он в столовой был. Уже мертвый.

Женщина рассказывала о гибели соседа и пожаре в его квартире таким обыденным тоном, как будто не видела в этом ничего особенного. Рубцов потрясенно слушал и не мог поверить. Вчера шеф отпустил его домой после того, как он привез его в храм на службу, и велел прихватить охранника, чтобы и его доставить домой. Шеф и на сегодня отпустил охранника. Он вообще как-то наплевательски относился к своей безопасности. Считал, что Володя, здоровый, крепкий парень, бывший летчик, и сам сможет, в случае чего, защитить его. И хотя по правилам охранник Михаил должен был сопровождать мэра постоянно, Груздев соблюдал эти правила только тогда, когда они выезжали в представительские места. Значит, из квартиры ночью шефа увезли, а водителя, естественно, оповестить было некому. Кто станет вспоминать о нем?

Женщина ушла, вернее, ее утащил пес, а Володя поехал в мэрию – надо же было что-то делать. Хоть узнать, где теперь находится шеф, в каком морге?.. Елки-палки, и жену его, наверное, придется встречать Рубцову. Возможно, ей уже сообщили. Бедная Регина Васильевна. И Рената в двенадцать лет без отца осталась. Вот несчастье-то!..

Пришибленный этими событиями, Рубцов продвигался среди машин, не замечая ничего вокруг. Радиостанция передавала какую-то развеселую музыку, видимо, не было еще команды информировать радиослушателей о трагической смерти мэра города.

Прокурор города Нефтегорска Виталий Иванович Соломонов пребывал в состоянии крайней растерянности. Но все, кто его знал, не могли бы даже заподозрить, насколько ему сейчас худо. На вчерашней встрече со следственной группой, которая занималась делом погибшего мэра, он был, как обычно, собран и деловит. Вопросы задавал обычным командным голосом, комментировал ответы довольно язвительным тоном, и его заместитель Олег Дмитриевич Севастьянов заметно нервничал. Он считал, что следственная группа занималась своим делом профессионально, и накануне сам одобрил все их действия. Но Виталий Иванович, похоже, считал иначе.

– Так говорите, отравился угарным газом? И это Груздев, человек чрезвычайно предусмотрительный и осторожный! Сдается мне, не там роете, ребята. Что мне ваше заключение экспертизы? Читал я его, читал! Нужно смотреть глубже. Думайте, думайте, кому было выгодно, чтобы все решили, что человек угорел от элементарного бытового газа? Но учтите, смерть пятого мэра города за короткий период – это такое возмутительное совпадение, что дураку ясно: Груздев погиб не случайно.

Соломонов распекал подчиненных, а сам в тоске думал, что дело сложное, и хоть лягут они все вместе костями, включая и его, Соломонова, на данном этапе дело – полный висяк. И так всем ясно, без его язвительного замечания, что не бывает таких фатальных совпадений, которые свели в могилу пятерых градоначальников подряд. И хрен знает, что делать. Он сидел в своем кабинете, уронив голову на руки, и напряженно думал. Видеть никого не хотелось, и секретарь Нина Павловна всем говорила, что прокурор очень занят. Очень. Посему просьба не беспокоить ни под каким видом. Посетители понимающе откланивались.

Самое обидное, что ни одна мудрая мысль так и не посетила далеко не глупую голову прокурора. Наоборот, чем дальше, тем больше зрело в нем желание свалить тяжкий крест на кого-нибудь другого. Кто был бы повыше его рангом. Предполагается, что, чем выше ранг, тем человек умнее... Хотя понятно, не всегда так бывает. Но все те, с «высоким рангом», хотят так думать и убеждают в этом других. И все-таки одна умная мысль у него наконец пробила. Чем черт не шутит... Отчаянное положение придало ему храбрости, и он стал набирать код Москвы. Заместитель генпрокурора по следствию Константин Дмитриевич Меркулов умел слушать, задавать правильные вопросы и сохранять спокойствие. Ни тени чванливости, ни намека на свое положение. Соломонов почувствовал себя увереннее и лишний раз убе-

дился, что человек, действительно занимающий высокое положение, ведет себя всегда просто и доступно. Ему уже не надо утверждаться.

– ...Кресло главы нефтяной столицы как будто кто-то проклял! – позволил себе эмоциональную вольность старший советник юстиции Виталий Соломонов.

– Я подумаю, чем можно вам помочь, – отреагировал немедленно Меркулов, и они попрощались.

Соломонову стало легче, как будто он уже избавился от своего тяжелого креста, и теперь его будет тащить – страшно подумать – сам заместитель генпрокурора. И Соломонов оказался совершенно прав в своих чаяниях.

Меркулову почему-то врезалась в память именно эта, последняя фраза Соломонова: «Кресло главы нефтяной столицы как будто кто-то проклял». А ведь так оно и было, судя по последним событиям, которые развивались в Нефтегорске с очень неприятным постоянством, имеющим к тому же явно криминальный оттенок. С Груздевым Константин Дмитриевич однажды встречался, когда менее года назад был в командировке в Нефтегорске. И тот произвел на Меркулова приятное впечатление. Его тогда только назначили исполняющим обязанности главы администрации, но про нового и. о. нельзя было сказать, что выглядел он тогда слишком радостным. Против его предшественника Николая Портнякова только что возбудили уголовное дело по статье 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий». Якобы он построил на бюджетные деньги семьдесят два коттеджа на берегу Черного моря и продал их налево. Следственную группу возглавил зампрокурора Нефтегорска младший советник юстиции Олег Севастьянов. Но дело до конца довести не смог по причине смерти обвиняемого: Портняков погиб в автокатастрофе. Действительно, кресло градоначальника можно было считать «проклятым». И если совершить экскурс еще дальше в прошлое, то чудеса странных совпадений высокой смертности среди мэров города только подтверждаются. Ведь и предшественник Портнякова тоже недолго наслаждался властью над городом, тогдашний мэр Владимир Курочкин был застрелен неизвестными. Его расстреляли из автомата по дороге в мэрию. Следствие, как водится, зашло в тупик. Убийц не нашли. Опять случайность?

Меркулов держал перед собой особую папочку, которая, казалось бы, не имела к Генпрокуратуре никакого отношения, поскольку она этими тремя убийствами не занималась. Держал он материалы по собственной инициативе, на всякий случай. Любопытная получалась картина. Среди мэров Нефтегорска как будто начался мор. Надо бы запомнить этот каламбур: «мор на мэров», подумал Меркулов. Удивить своих при случае черным юмором. А если копнуть еще глубже, то Владимир Курочкин пришел на смену мэру Роману Федькину, которого тоже сняли со скандалом. И возбудили против него уголовное дело опять по той же, 286-й статье. Он был не оригинален и на бюджетные средства построил десять роскошных домов под Москвой, а затем продал их за большие деньги. То есть миллионы долларов положил себе в карман, а не в городскую казну. И Портнякову нет чтобы сделать выводы и не зарываться, так он решил повторить путь Федькина, а ведь тот тоже плохо кончил. Хотя дело не было доведено до суда, опять же, по причине смерти Романа Федькина. Киллеры расстреляли его в упор в самом центре Нефтегорска. И его, и телохранителя Рашида Тапирова. И почему никто не хочет учиться на чужих ошибках? Меркулов призадумался. Очень нефтегорские мэры любили деньги. Причем желательно быстрые. А быстрее всего их можно было своровать у государства.

Заместитель генпрокурора перевернул предыдущую страничку. Прямо сага о мэрах! Ведь Роман Федькин сменил на посту градоначальника Алексея Шорцева. Хотя вот уж кому повезло, не иначе ангел-хранитель прикрыл его своим крылом. А ведь, казалось, уцелел чудом. И его пытались убить, ударив ножом дважды в его собственном подъезде, когда Шорцев собирался выйти на улицу, чтобы ехать на любимую работу. А он вопреки всему выжил, долго лечился в клиниках Москвы, и даже в Мюнхене поправлял свое здоровье. Пригодились-таки

ворованные денежки. Лечение за границей ой как недешево стоит! А дальше с ним приключилась странная история. Он якобы вылетел в Москву для консультации с известным медицинским «светилом» и в день визита вышел из гостиницы «Метрополь» за свежей газетой. И пропал. Ни дети, ни жена не знали о его судьбе ничего. Вместе с ним исчезли большие деньги, которые он взял у фирмы, продающей нефтепродукты за рубеж. Возникли подозрения, что Шорцева прихватили вместе с деньгами заинтересованные и очень информированные люди, которые знали, что мэр обладает немалым капиталом. И где теперь его труп, в какой асфальт или бетон его закатали – никому не известно.

Меркулов аккуратно завязал тесемочки папки. Итак, пять трупов мэров Нефтегорска за какие-то два года. Папочка пригодилась, теперь этим делом займется Генеральная прокуратура.

Оперативное совещание Следственного управления Генпрокуратуры проходило шумно, но Меркулову к дебатам было не привыкать. Народ собрался головастый, все фонтанировали идеями, и каждому хотелось отстоять свою точку зрения. Меркулов заносил в блокнот пометки для памяти и возмутился лишь один раз, услышав версию о последних событиях в Нефтегорске как о криминальной разборке кавказцев за контроль над местным рынком.

– Ну это уже перебор, – недовольно перебил он молодого следователя, которому, как было известно, всюду мерещились происки кавказской мафии. – В администрации Нефтегорска не было ни одного служащего с кавказской фамилией. Мало того, даже среди находящихся под следствием их характерные фамилии не фигурировали.

– Тогда это могут быть заказные убийства, – тут же возникла новая версия.

– У нас есть сведения про кое-кого из убиенных мэров, что они получали крупные взятки, – вмешался Турецкий. – Деньги давали фирмы, добывающие нефть в автономном округе.

– Ну это не новость, – отмахнулся Меркулов, чем задел самолюбие Турецкого, и тот укоризненно взглянул на старшего друга. – А вот у меня есть сведения, которым я склонен доверять, что здесь замешана спецслужба безопасности «Интернефти».

– И вы, Константин Дмитриевич, подозреваете в убийствах всех этих мэров вполне конкретную нефтекомпанию?

– А что тебя удивляет? Службу безопасности «Интернефти» возглавляет Антон Певцев. В прошлом был сотрудником КГБ СССР, имел звание полковника госбезопасности. Я с ним встречался по службе. Темная лошадка. У меня есть информация о том, что компания «Интернефть» постоянно враждует с другой крупной компанией – «Северонефть», которая тоже качает нефть в этом округе. Не исключено, что новый мэр «симпатизировал» одной из фирм, к примеру «Северонефти», которая, говорят, близка к кремлевскому руководству. И мог ставить палки в колеса конкурентам, к примеру фирме «Интернефть». Конечно, могло быть и наоборот.

– И что? – Турецкий скептически поглядывал на шефа, всем своим видом показывая, что не находит достаточных оснований подозревать обе компании в убийствах мэров.

– А то! Босс «Интернефти» Леонид Сатановский и босс «Северонефти» Олег Самарин даже в Москве известны как крутые парни! Они запросто могли отдать своим службам безопасности приказ убрать с дороги зловредного мэра! Я сейчас говорю, собственно, о последнем мэре, Груздеве. Поскольку мы займемся расследованием именно его дела!

Турецкий саркастически ухмыльнулся, выражая этим свое несогласие с мнением высшего начальства. Его усмешка не ускользнула от взгляда Меркулова и разозлила его. Что это нашло на Александра? Он себя ведет не как единомышленник, а как оппонент, и это в такой момент, когда нужно объединять силы для решения сложной задачи! Мог бы придержать свои сомнения и высказать их с глазу на глаз, а не в присутствии других подчиненных.

А Турецкий, в свою очередь, заметил, что с годами стал портиться некогда доброжелательный и бесконфликтный характер шефа следователей страны. Укатали сивку крутые горки.

– У тебя есть личные соображения? – довольно резко спросил Константин Дмитриевич у Александра.

– Ну начнем с того, что я вообще исключаю версию участия сотрудников компаний «Интернефть» и «Севернефть» в убийствах администраторов Нефтегорска. Я думаю, в данном случае наличествует виктимность «самих потерпевших».

– И в чем же, по твоему мнению, заключается виновность самих потерпевших?

– Жульничество, воровство, взяточничество... Когда оно достигает таких огромных размеров, кому из жителей города это может понравиться? Вот они, избиратели, и «проголосовали» таким способом!

– Город против мэров? – Меркулов оторопел. Ничего себе версия! Ну ладно, господин Турецкий, друг ты мой сердечный. Никто тебя за язык не тянул. Наводка твоя, мягко говоря, странная. Но раз ты ее допускаешь, тебе и карты в руки.

Решение возникло быстро. Руководство главного надзорного ведомства страны в лице Константина Меркулова постановило направить в нефтяную столицу России следственно-оперативную группу. А руководителем группы назначили государственного советника юстиции третьего класса Александра Турецкого. При этом старшему помощнику генпрокурора были даны широкие права и полномочия.

– Как всегда, в рамках Уголовного кодекса! – ехидно подчеркнул Меркулов, передавая полномочия удивленному Турецкому, который не ожидал такого поворота судьбы.

Турецкий приступает к следствию

Турецкий действительно не ожидал подобного разворота. Ну что ж, дело казалось ему интересным. И сейчас он сидел над составлением бумаги – сочинял отдельное требование на имя министра внутренних дел Мургалиева. Следственную группу он уже сформировал, всех поставил в известность. Осталось получить согласие министра. Подтверждение пришло незамедлительно. На первом оперативном совещании Турецкий с удовольствием оглядел свою команду. И было чем гордиться. Группа получилась крепкая. Он включил в нее следователя юриста первого класса Светлану Перову, старших уполномоченных Департамента уголовного розыска МВД Галину Романову и Владимира Яковлева. Просил Вячеслава Грязнова, но его не дали. Он как раз курировал сложное, запутанное дело. Зато Слава пообещал, даже дал «честное пионерское слово», что явится в Нефтегорск при первой возможности.

Ирина сдержанно попрощалась с мужем. Уж лучше бы, как обычно, ревновала его, подозревая, что у него в Нефтегорске очередная зазноба и он пакует свою спортивную сумку в предвкушении горячей встречи в зимнем городе. Турецкий не скрывал своего огорчения от холодности жены, но она, казалось, не замечала ничего. Прикоснулась губами к его щеке, пожелала удачи, и все. Как будто он был заезжим дальним родственником, переночевавшим одну ночь на раскладушке в тесной прихожей. Даже дальних родственников она провожала сердечнее... Зато Ниночка бурно обняла его, горячо расцеловала и пожелала поскорее возвращаться. Кроvinочка родная, только она его любит...

Обиженный Турецкий поехал в аэропорт, где в зале отлетов они договорились всей группой встретиться под электронным табло. Меркулов предлагал служебную машину, но Турецкий отказался, прикинув, что в будний день в безумных пробках он, пожалуй, еще и застрянет. На метро надежнее. Все съехались вовремя, а при виде своих сотрудниц у Турецкого и вовсе оттаяло сердце. Когда в мире есть красивые женщины, жизнь нельзя назвать неудачной. У всех было хорошее настроение, женщины кокетничали, Яковлев хохмил, Галя смеялась, и глаза ее сияли. Вырвавшись из дому, каждый чувствовал себя почти свободным, а поездки всегда сулили приключения.

– Люблю нашу работу! – признался Яковлев. – Никогда не знаешь, что тебя ждет после обеда.

– А я знаю! – перебила его Галя. – После обеда мы прилетим в город Н. Нас встретят люди Х. Поселят в апартаментах и пригласят на торжественный ужин.

– А работа? – строго одернул ее Турецкий, а сам засмотрелся на ее ямочки на разругавшихся щеках.

– А работа у нас будет завтра. Ну нельзя же быть таким скучным, Александр Борисович. – Галя заулыбалась. – Умейте радоваться жизни. И ее маленьким радостям.

– Действительно, Александр Борисович. Надо уметь расслабляться. Нам ведь это нечасто удастся. А тут такие непростые дела предстоят. Так что ни слова о работе до встречи с людьми Х.! – Светлана, тоже улыбаясь, смотрела на Турецкого и любовалась им. Это обнадежило Турецкого. Значит, все еще не так плохо, раз он вызывает у женщин желание смотреть на него и даже, приятно подумать, любоваться. Не может же Ирка вечно на него дуться! Он воспрял духом. А тут и посадку объявили, народ двинулся за девушкой в летной форме.

В самолете было полно свободных мест, и Яковлев даже улегся на трех соседних креслах, подняв их подлокотники и поджав ноги. Галя заботливо прикрыла его пуховиком.

– Пусть поспит, сил наберется. Он нам еще пригодится, – пошутила она над сонным коллегой.

В городе Н. их, как предсказывала Галя, встретили люди Х. Поселили в приличной гостинице, но ужин был самый обычный. Им просто показали ближайшее кафе, где можно было недорого и прилично поесть.

– Понятно, им не до нас, – разочарованно протянул Яковлев, когда представитель прокуратуры назначил им встречу на завтра в новом здании этого ведомства.

– А с чего веселиться? – поддержал хозяев Турецкий. – Им сейчас небо с овчинку кажется. Представляешь, пять мэров замочили, и все дела – полные висяки. Это же какой удар по их профессиональной чести! Сами не справились, нас на подмогу звали.

После скромного ужина разошлись по комнатам отсыпаться, хотя не очень-то и хотелось. Но завтрашний день сулил много работы.

Здание городской прокуратуры было не просто новым, а очень новым. В нем еще пахло свежей краской и побелкой. И Турецкий, шагая по паркетным полам, покрытым светлым лаком, немного позавидовал хозяевам. В здании Генеральной прокуратуры ремонт не делали давно. А уж как там паркет затерт, грустно вспоминать.

В кабинете прокурора Виталия Соломонова сидел и его заместитель – Олег Севастьянов. Все поздоровались, Соломонов галантно поцеловал дамам ручки. На этом церемонии закончились, и приступили к делу. Папки со следственным делом из сейфа заместителя прокурора города по следствию перекочевали в руки Александра Турецкого. В кабинет зашел майор милиции.

– Знакомьтесь, начальник отдела уголовного розыска городского УВД Иван Григорьевич Огородников, наш непримиримый борец с преступностью.

Последние слова были произнесены Соломоновым с некоторой долей сарказма. Турецкий подумал, что не все так просто во взаимоотношениях его новых коллег. А ведь им всем вместе работать... Огородников отнесся к столичной бригаде следователей с большим пиететом, всем крепко пожал руки, заглядывая в глаза и радостно улыбаясь. Севастьянов отвлекся только на минуту и тут же продолжил нить разговора:

– Из материалов следствия вы узнаете, что Груздев отравился угарным газом во время пожара в своей квартире. Официальное заключение судмедэкспертизы прилагается к делу. Никаких телесных повреждений на теле погибшего не обнаружено.

Почему-то при этих словах своего зама прокурор закашлялся и пояснил:

– Тут не совсем ясно. Не успели сказать вам, Александр Борисович, что заключений два. Первое в черновике составил заведующий моргом Славский Георгий Вадимович. Но он не успел оформить акт судмедисследования трупа, так как его сбил грузовик, когда он возвращался после работы. И доктор скончался от полученных ушибов.

– Вот те на!.. – удивленно поднял брови Турецкий. – Еще один труп! А грузовик? Установили, кто был за рулем? И машину-то саму нашли?

– Грузовик установить не удалось. С места происшествия скрылся. Мы до сих пор не знаем, умышленный это наезд или обычный несчастный случай.

– Как же, несчастный случай, держи карман шире! – пробурчал Турецкий себе под нос, но его услышал только Яковлев.

– Вы что-то сказали, Александр Борисович? – переспросил его Соломонов.

– Интересуюсь, кто доделывал работу за погибшего. Славский его фамилия, не ошибся?

– Да-да, Славский. А работу доделывала молодой эксперт Вера Леонидовна Лапшина. Можно сказать, его ученица. Она ассистировала все вскрытия, которые производил Славский.

– И где же заключение Славского?

– Исчезло. Поэтому и пришлось делать повторную экспертизу.

– И где же тело мэра? – Турецкий не удивился, если бы ему сказали, что тело мэра исчезло при невыясненных обстоятельствах.

– Мы отдали его родным. Похороны состоялись третьего дня.

– А теперь, пожалуйста, поподробнее обо всех обстоятельствах смерти Груздева, – попросил Турецкий. Конечно, в папке со следственным делом имеются акты допроса свидетелей, вероятнее всего – соседей. Но лучше, пока все заинтересованные лица собрались вместе, выслушать информацию сообща. Обычно это помогает наметить следственные линии, учесть уже готовые подвижки.

– Пожар в квартире Груздева возник где-то около пяти утра или чуть раньше. До трех часов ночи Груздев находился в храме Святого Георгия, на рождественской службе. После службы Груздев отправился домой.

– С кем? Его ждал водитель?

– Водителя он отпустил еще до начала службы. А на улицу вышел со своим помощником Жбановым. Их видели, когда они вместе выходили.

– С кем он жил?

– У него была семья – жена и дочь. Но они еще до Рождества улетели в Сочи, в санаторий. Так что дома на момент пожара он был один.

– Пожарных вызвали соседи?

– Да. Соседи выше этажом не спали, праздновали Рождество, сами в церковь не ходили, по телевизору смотрели службу. Услышали хлопки и треск. Не сразу поняли, что это за странные звуки. А когда гарью потянуло, тут уж догадались, медлить не стали, сразу вызвали пожарных. Попытались сами взломать двери квартиры Груздева, но у него дверь стальная, не поддавалась. Так соседи, молодцы, еще и спасателей вызвали. Не были уверены, что пожарные справятся с дверью. Вот те и съехались одновременно. Пока пожарные по раздвижной лестнице поднялись и из шланга в окно квартиру заливали, спасатели в двери замок спилили. Только все равно опоздали, Груздев уже не дышал. От угарного газа задохнулся.

– Почему возникла версия, что именно от угарного газа?

– Заключение судмедэкспертизы. А вывод пожарников такой: неисправность газового обогревателя иранского происхождения.

– Но если неисправен обогреватель, мог просочиться газ. А пожар почему? Взрыв газа был?

– В том-то и дело, что взрыва не было. Была включена конфорка, что-то рядом с ней загорелось, какая-то тряпка, огонь переметнулся на стопку газет, которые лежали рядом с плитой на столике. Ну и пошло-поехало, кухонный гарнитур, потом огонь пошел гулять по квартире...

– А где же в это время был Груздев? Не мог же он наблюдать пожар и бездействовать?

– Игорь Вячеславович сидел в комнате за обеденным столом. Стол был накрыт, коньяк стоял. Он уже успел выпить. Далее картина ясна.

– Картина логична, но не ясна. Ну ладно, мы потом ознакомимся со всеми заключениями. Кстати, сейчас кто-то исполняет обязанности мэра? Я к тому, что нужно встретиться с его сотрудниками.

Соломонов вдруг переменялся в лице, оно стало жестче, глаза сузились.

– Если вы, Александр Борисович, рассчитываете встретиться с заместителями Груздева, то должен вас предупредить: говорить там не с кем и не о чем.

– Это отчего же? – изумился Турецкий. – Объясните, пожалуйста, а то я теряюсь в догадках. Или они тоже исчезли при невыясненных обстоятельствах?

Огородников не сдержался и хмыкнул. А Соломонов строго взглянул на него и объяснил Турецкому:

– Зарвались вконец. Один из заместителей уже получил тюремный срок, другой зам – принудительно уволен, на третьего заведено уголовное дело.

– Ничего себе! – Вся следственная группа переглянулась в недоумении.

Зампрокурора Севастьянов, до сих пор молчавший и со скучающим видом поглядывающий в окно, вдруг встрепенулся:

– Я бы не очень доверял заключению медэкспертизы. Весь город наполнен слухами о том, что смерть Груздева связана с предвыборной борьбой за кресло мэра. А разговоры такого рода на пустом месте не возникают.

– Олег Дмитриевич! – резко одернул его прокурор. – Это всего лишь грязные слухи! И не к лицу прокурорскому работнику повторять инсинуации, к тому же в присутствии наших столичных гостей.

Севастьянов осекся и смутился. На него жалко было смотреть, он покраснел, отвел взгляд и был похож на обиженного мальчишку. Турецкому эта сцена очень не понравилась, и он решил вмешаться.

– Ну если существует и такая версия смерти мэра, то ее тоже стоит проверить. Спасибо за подсказку, Олег Дмитриевич, – обернулся он к Севастьянову. Тот лишь кивнул в ответ: дескать, пользуйтесь, а мне и так уже нагорело. – Спасибо, что ввели нас в курс дела, уважаемый Виталий Иванович. Покажите нам наши временные владения, и мы готовы немедленно приступить к следственным действиям.

Соломонов вздохнул с явным облегчением. Он уже утомился от расспросов Турецкого, изучающих внимательных взглядов всей его команды и излишней активности своего зама. Молчал бы уж, раз сам не сумел провести расследование.

Виталий Иванович лично проводил московских гостей в выделенные им кабинеты. Турецкий одобрительно покивал. Не ожидал он такой щедрости – три кабинета на четверых, вот это уважение!

Как только бригада осталась одна, Галя Романова заметила:

– Ну и компания у них. То отношения выясняют, то слова не дают сказать. А нестыковочки в их докладе так и выпирают из всех углов.

– Первое заключение о смерти Груздева исчезло. Ясно, что неспроста. Нам сообщили только о существовании второго. Спрашивается: куда пропал черновик? Заведующего моргом сбила машина и тоже исчезла. Думаю, черновик пропал вместе с тем, кто произвел наезд. – Яковлев уже разрабатывал линию расследования.

– Я вам материалы следствия оставляю, вникайте. – Турецкий уже готов был к активной деятельности. – А мне надо встретиться с женой Груздева. Майор Огородников дал номер ее мобильного телефона. Сейчас договорюсь о встрече.

Он недолго поговорил по телефону и сообщил коллегам:

– Просит прощения, что встречу назначает не дома. После пожара там, говорит, светопредставление.

– И где же у вас встреча? – полюбопытствовал Яковлев.

– К родителям Регины Васильевны приглашен. Они с дочерью пока там живут.

Турецкий махнул всем на прощание рукой и поскакал по ступенькам вниз, к выходу.

– Какой он у нас... энергичный, – загордилась шефом Галина Романова.

Регина Васильевна Груздева – высокая, красивая женщина с ухоженным лицом и стройной фигурой – сидела на мягком диване. Турецкому она предложила устраиваться в кресле, что он и сделал с удовольствием. Во-первых, он сразу почувствовал себя комфортно. Во-вторых, Регина Васильевна сидела прямо напротив него, и он мог вполне на законных основаниях любоваться ее красотой. Высокий чистый лоб, большие карие глаза под дугообразными бровями, густые волосы блестящими волнами лежали на плечах. Это ж надо, какую красотку отхватил себе покойный Груздев! Сколько Турецкий ни пытался вспомнить, среди жен знакомых высокопоставленных лиц из московской административной элиты ему такие ни разу не

попадались. Из соседней комнаты выглянула девочка-подросток, фигурка у нее была неказистая, личико вялым и неинтересным. «Наверное, похожа на отца», – догадался Турецкий.

– Вы можете задавать мне любые вопросы. Я уже вполне собой владею, – поощрила его Регина Васильевна, принимая немного затянувшуюся паузу за нерешительность следователя, который из тактичных соображений не торопился приступить к расспросам.

– Я бы хотел прежде всего спросить у вас: как вы относитесь к официальной версии гибели вашего мужа?

– Вы, Александр Борисович, видимо, в курсе, что я с дочерью отдыхала в Сочи, в санатории мэрии Нефтегорска. И тут этот звонок... В первый момент я даже не поверила. Не хотела верить. А когда прилетела в Нефтегорск и меня ознакомили с заключением медэкспертизы, версия очень меня удивила. Мой муж – непьющий человек. И если на столике обнаружили бутылку коньяка, это ни о чем не говорит. Он мог пригубить несколько граммов в честь праздника, не более того. После такой мизерной порции он не мог бы не почувствовать запах газа. Даже если бы действительно газовая отопительная система была неисправна. К тому же пожар... Это еще более удивительно: чтобы пламяхватило кухню и переметнулось в комнату, должно было пройти достаточно много времени. Что же он делал в это время?! Я ведь сведения о гибели мужа собирала по крупицам. Видите ли, я умею анализировать. У меня такой характер, что на веру я не принимаю ничего. А в этом несчастном случае слишком много нестыковок, чтобы не обратить на них внимание. Почему-то наши нефтегорские следователи на многие странности не обратили внимание. Или умышленно не обращают внимание. У меня возникают уже и такие предположения.

– Что именно у вас еще вызвало недоверие к официальной версии? – Турецкому было интересно слушать рассуждения Регины Васильевны. Она не только красавица, она еще и умница. И характер на редкость волевой.

Регина Васильевна бросила быстрый взгляд в сторону двери, ведущей в другую комнату, заметила мелькнувшую там фигурку дочери.

– Рената, закрой, пожалуйста, дверь. У нас взрослый разговор.

Девочка послушно закрыла дверь, послышались звуки музыкальной заставки к какому-то фильму.

– Не хочу, чтобы она это слышала. Рената и так травмирована смертью отца. Она у нас девочка избалованная, отец ее очень любил... – Груздева на секунду умолкла и, взяв себя в руки, продолжила, понизив голос почти до шепота: – Когда я приехала в Институт судебной медэкспертизы и мне показали... тело мужа, я сразу заметила на его лице гематому. Я спросила у женщины-эксперта: откуда появилась гематома? Ведь по версии следователей Игоря нашли в комнате сидящим за столом. То есть он не падал. И когда его вынесли на носилках, никто его не ронял, я тоже все выяснила. Так она мне ответила, что это не гематома, а трупное пятно, что явление это посмертное. И у каждого трупа появляются на теле трупные пятна. Про трупные пятна я и сама знаю. Когда училась в педагогическом институте, у нас была медицинская кафедра, мы два года медицину изучали, всем девочкам дали звание медсестер запаса. Но я также знаю, что на второй день после смерти трупные пятна не появляются. Игорь умер между четырьмя и пятью часами утра. Я в Нефтегорск прилетела в тот же день в пять вечера. А на следующий день в девять часов утра я уже была в морге.

Регина Васильевна рассказывала, взвешивая слова, по-деловому, искренне стараясь помочь следователю разобраться в причине гибели мужа. Голос ее был ровный, ни тени слезливости, и Турецкий невольно зауважал сдержанность вдовы. Женщины с таким характером не бывают истеричными и никогда не позволяют себе проявить слабость при посторонних людях.

– Как приятно иметь дело с человеком, умеющим анализировать, – заметил Турецкий одобрительно, слушая Груздеву.

– Это еще не все. Вы знаете, что смерть моего мужа повлекла за собой череду не менее странных смертей?

– Я знаю о несчастном случае, происшедшем с заведующим моргом Славским. Его сбила машина.

– Это было на следующий день после гибели моего мужа. Кстати, он первым осматривал тело Игоря. А в ночь, когда Игорь погиб, умер и его помощник – Георгий Николаевич Жбанов.

– Я об этом ничего не знал! – нескладанно удивился Турецкий. – Ни прокурор, ни его заместитель ни словом не упомянули об этом.

– Жбанов был в церкви вместе с моим мужем. И когда он ночью пешком возвращался домой, кто-то стукнул его тяжелым предметом по голове. Жбанов долго лежал на земле в тридцатиградусный мороз, в это время на улицах никого не было. Естественно, он окоченел и умер по причине обморожения. Его смерть тоже никак нельзя назвать случайной... Я думаю, смерти моего мужа и его помощника каким-то образом связаны между собой. Вернее, я не сомневаюсь, что существует какая-то связь между этими двумя «несчастными случаями», как определили местные следователи факт их гибели.

Турецкий взял на заметку новые для него обстоятельства. Его неприятно удивило, что прокурор Соломонов и его заместитель скрыли от него такие важные факты. Он пообещал Груздевой во всем разобраться и отправился в прокуратуру. То-то удивятся его коллеги всплывшей информации!

– Что за игры ведет местная прокуратура? – возмутился Яковлев, когда Турецкий передал свой разговор с Груздевой.

– Могу сказать одно: эта игра против нас. Раз такая информация скрывается от следствия, значит, за ней что-то стоит, чего нам, с их точки зрения, знать нежелательно. Естественно, это затрудняет расследование дела. Но кто стоит за этим? Кому выгодна такая официальная версия гибели мэра? – Турецкий вопросительно посмотрел на своих товарищей.

– Раз появились побочные линии, надо заняться ими, – деловито предложила Светлана Перова.

– А побочных линий у нас теперь несколько, есть где развернуться, – потер руки Яковлев, не скрывая удовольствия. Он любил поломать голову над трудными задачками.

– Значит, так, нам предстоит разобраться, не подстроен ли наезд на судмедэксперта? Второе: не совершено ли умышленное нападение на помощника мэра? Третье: не подкуплена ли молодой судебный медик Лапшина? И главное, не внесли ли убитого мэра в квартиру, а затем для отвода глаз устроили инсценировку отравления угарным газом? Судя по всему, гематома на его лице появилась еще при жизни. Вот решением этих задач вы и займетесь, а я отправлюсь в Управление внутренних дел. У меня к ним есть вопросы, – распорядился Турецкий.

Начальник городского Управления внутренних дел полковник Ремизов, кряжистый мужчина среднего роста, производил впечатление человека себе на уме. Непроницаемый взгляд близко посаженных глаз ничего не выражал, Турецкому он сразу не глянулся. На все конкретные вопросы столичного следователя он отвечал формально, ссылаясь на известные уже Турецкому результаты расследования. В общем, ничего нового Александру Борисовичу уточнить не удалось.

– Алексей Петрович, но ведь вопросы остаются, – наконец не выдержал Турецкий монотонных отговорок полковника.

– Это, извините меня великодушно, они у вас остаются. А мы уже пришли к вполне конкретным выводам: в случае с гибелью судмедэксперта имел место обычный наезд грузовика. Может быть, у вас в Москве в подобных случаях водители, сбившие человека без свидетелей, сами вызывают «скорую помощь» и ждут представителей ГАИ. А у нас какие-то несознательные нарушители частенько скрываются с места происшествия, если нет свидетелей.

Он хмуро уставился на Турецкого, и тот почувствовал, как у него внутри закипает раздражение. «Вот гад», – подумал про себя Александр Борисович, но виду не подал, что с удовольствием высказал бы полковнику все, что он о нем думает. Конечно, можно было бы его и приструнить. Хотя бы как младшего по званию. Но формально придраться было не к чему. А хама в зрелом возрасте перевоспитывать поздно. Турецкий знал это из жизненного опыта.

– Хорошо, предположим, мы имеем дело с несознательным нарушителем, но у нас возникает вопрос: не подстроен ли этот наезд?

– Александр Борисович, вы можете задать этот вопрос и в третий раз, и я каждый раз буду вам отвечать: следствие показало, что наезд случайный. Было темно, вокруг забора, которым обнесена территория больницы, образовались высокие сугробы снега. Сами видели, в этом году у нас зима очень снежная. Заведующий моргом вышел неожиданно из-за сугроба прямо на проезжую часть, водитель не успел затормозить, произошел занос и наезд. Экспертиза по следам протекторов машины воспроизвела картину наезда. Ничего нового я добавить не могу. Читайте заключение экспертов.

Его хамоватый тон раздражал Турецкого все больше.

– Заключение прочитали, без него я бы к вам не пришел. Очень жаль, что вы так уверены. Наша группа считает иначе. Мы с этим разберемся. Кстати, продолжаете ли вы поиски водителя машины?

– У нас нет даже ориентировок. Кого искать? Никто же ничего не видел. Нет свидетелей наезда. А протекторов таких колес в округе море. У нас знаете сколько грузовых машин?

– Не знаю, – в сердцах ответил Турецкий. – Но завтра сведения о количестве грузовых машин в Нефтегорске и области должны быть у меня на столе. И к ним будут прилагаться сведения о количестве грузовиков, следы протекторов которых совпадают со следами искомого грузовика. А также о маршрутах этих грузовиков. А также о водителях, которые на них выезжали. А также их почасовой график. А также их анкетные данные. И вы этим займитесь как начальник УВД.

Турецкий злорадно наблюдал за выражением лица Ремизова, которое начало меняться на глазах по мере того, как Турецкий вдохновенно сообщал оппоненту о сведениях, которые он рассчитывает получить уже на следующий день. «Гад», – еще раз подумал о нем Александр. Тем временем лицо Ремизова начало приобретать какой-то бурый оттенок, а глаза он и вовсе опустил. «Чтобы я не видел, как он меня ненавидит», – удовлетворенно подумал Турецкий. Встал со стула и, направляясь к двери и не подавая на прощание руки, подчеркнуто вежливо поблагодарил полковника:

– Спасибо за помощь в прояснении некоторых деталей дела. Вы очень помогли следствию, – и вышел за дверь, чувствуя спиной сверлящий взгляд Ремизова. «Ну и дела, – подумал Турецкий. – Да здесь все замешаны в убийстве мэра! По крайней мере, темнят изо всех сил».

Знакомство с майором Огородниковым

Турецкий спустился этажом ниже и постучал в дверь кабинета, где его ждал майор милиции Иван Огородников. В отличие от своего начальника он принял Александра Борисовича радушно. Ловко передвигаясь по небольшому кабинету, он казался в этом маленьком пространстве еще выше своего двухметрового роста. Он тут же включил электрический чайник, налил горячий кофе в чашку и подал печенье.

– Согрейтесь, замерзли, наверное, на нашем холоде.

– Да я уже согрелся. В кабинете вашего начальника минут сорок согревался, закипал, боялся – взорвусь, – пошутил Турецкий.

Огородников огорченно взглянул на Турецкого:

– Лучше бы вы сразу ко мне зашли. Наши Ремизов, Соломонов и иже с ними вовсе на заинтересованы в расследовании дела. Подавляют всякую инициативу, я прямо чувствую их давление.

Его доброжелательность, искренняя заинтересованность в расследовании дела подкупили Турецкого и вызвали симпатию к майору. Огородников по виду был ровесником Турецкого. Его крепко сбитая фигура говорила о недюжинной силе. Внимательные умные глаза спокойно смотрели на Турецкого, и он сразу же вспомнил колючий, неприязненный взгляд Ремизова.

– Ну что, Иван Григорьевич, как начальник угро вы, наверное, многое знаете не только о деле, но и обо всех действующих лицах, пытающихся скрыть картину преступления?

– Товарищ госсоветник... – сразу перешел на официальный тон Огородников, но Турецкий мягким движением руки остановил его:

– Не надо так официально, можете ко мне обращаться по имени-отчеству.

– Хорошо, Александр Борисович, как скажете. Я ведь о вас давно наслышан. Жизнь непредсказуема, время от времени пересекался или с вашими бывшими учениками, или сотрудниками. Ваше имя у всех на устах, – ничуть не лстя, пояснил Огородников. – И о ваших следственных действиях по некоторым громким делам на курсах повышения квалификации нам сообщали.

– Ну ладно, совсем меня разрекламировали. Как кинодиву какую-нибудь, – рассмеялся Турецкий. – Приступим к делу. Расскажите мне, пожалуйста, что у вас тут творится и почему на мэров ваших прямо мор какой-то нашел. Мало того, уходя на тот свет, они еще кучу народу с собой прихватывают.

Огородников усмехнулся:

– Я сначала разверну перед вами панораму жизни Нефтегорска. Но начну с небольшого сравнения. Помните детектив Агаты Кристи «Восточный экспресс»? Там все персонажи договариваются между собой убить одного из пассажиров. Вернемся к Нефтегорску. Мне история мэра Груздева чем-то напоминает этот сюжет. Вы уже ознакомились с материалами о гибели его предшественников?

– Да, случай экстраординарный, прямо скажем. За два года четверо мэров плюс Груздев – такого, по-моему, даже в свободной Америке не бывало! Это у них то за президентом охотятся, то за губернатором штата... Издержки демократии, так сказать.

– У нас что-то вроде того. Но Груздев, в отличие от своих предшественников, был честнейшим человеком. Он мешал многим. Прежние мэры и взятки брали по-крупному, и своим служебным положением злоупотребляли. А Игорь Вячеславович взятки не брал, служебным положением не злоупотреблял, более того, от своего окружения того же требовал, заставлял их следовать тем же принципам. А окружение его привыкло за долгие годы к другому – элементарно воровать и жить безбедно на ворованное. Я считаю: брать взятки – то же воровство. А

тут на тебе: свалился им на голову «честный мэр»! Ну в семье не без урода, не хочешь жить на взятки, так не мешай другим. А он ведь их всех в оборот взял, вот они и разозлились на него. Возненавидели. И в своей ненависти объединились – и бюрократы в администрации города, и бизнесмены в компаниях, беззастенчиво перекачивающие прибыль в свой карман. И даже бандитские группировки ополчились против нового мэра. Он им тоже кислород перекрыл. Всякие новшества ввел по контролю за добычей нефти. Всем по карману ударил. Помните, в газетах даже писали о всплеске добычи нефти по сравнению с прежними годами. Просто неф-тедоллары наконец в государственную казну полились, минуя всех прилипал. Вот вам главный мотив расправы над мэром!

– Город против мэра? – задумчиво произнес Турецкий.

– Правильно подметили, Александр Борисович!

– Сдается мне, Иван Григорьевич, у вас есть кое-какие наработки. Вы рассказываете так бодро, что поневоле возникает уверенность: вы знаете многое, что скрывают от нас прокурор с заместителем и ваш полковник. Только возникает вопрос: зачем прокурор Соломонов обратился за помощью в Генпрокуратуру, что спровоцировало наш приезд? Если придерживаться мнения, что прокуратура что-то знает и скрывает, им это никак не на руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.